

Л. В. МАКЕДОНОВЪ.

Николай Федоровичъ Бунаковъ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе М. М. ГУТЗАЦА.

1907.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Апалерная, 30.

Л. В. МАКЕДОНОВЪ.

Николай Федоровичъ Бунаковъ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе М. М. ГУТЗАЦА.

1907.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Шпалерная, 30.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Ноябрьѣ 1904 года, въ С.-Петербургѣ, при особо-торжественной обстановкѣ, былъ похороненъ извѣстный педагогъ Николай Федоровичъ Бунаковъ. Пользуясь вообще почетной извѣстностью, какъ выдающійся работникъ русской народно-общественной школы, покойный, въ послѣдніе годы своей жизни, обратилъ на себя особое вниманіе и какъ общественный дѣятель въ широкомъ смыслѣ этого слова. Присутствіе на похоронахъ видныхъ лицъ петербургской интеллигенціи, представителей печати и массы учащейся молодежи, указывало на исключительное вниманіе со стороны мыслящаго общества къ почившему дѣятелю. Признавая, въ интересахъ ознакомленія общества съ жизнью и дѣятельностью Н. Ф., необходимымъ изданіе хотя-бы краткой его біографіи, мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу того особаго значенія, которое мы ей придаемъ.

Говорятъ, что мы—наканунѣ обновленія. Это, пожалуй, правда, но только въ томъ отношеніи, что вѣковой укладъ русской государственной жизни, царившій со временъ татарскаго ига,—надломленъ, и ему, конечно, не возродиться. Но отъ этого перелома до общественнаго обновленія, намъ кажется, еще далеко. Не нужно забывать, что гнетъ стараго режима, въ теченіи вѣковъ пригибавшій личность и попиравшій ея человѣческія права, не могъ не отравить и ея сознанія, не растлить до извѣстной степени ея общественнаго характера. Рабская идеологія, усердно-внушаемая всеобъемлющей государственной опекой, слишкомъ долго всасывалась въ мягкую натуру русскаго человѣка, чтобы возможно было сразу съ ней покончить; все прошлое оставило въ немъ привычку полагаться на внѣшній авторитетъ, на опредѣленіе своей дѣятельности извнѣ, не довѣрять своей мысли и своимъ силамъ и даже не вѣрять въ неотъемлемость своего права на жизнь. Отсюда—шаткость убѣжденій, недостатокъ инициативы и неустойчивость въ трудѣ и борьбѣ. Мысль русскаго человѣка, ограниченная авторитетомъ въ своемъ общественномъ проявленіи, не творила жизни, и убѣжденія личности рѣдко воплощались въ практической ея дѣятельности. Логика мысли и практика жизни были въ непримиримомъ противорѣчій, и безсильная свергнуть иго «независящихъ обстоятельствъ» личность средняго человѣка раздваивалась, замирала, теряла энергію. Русская литература полна отрицательныхъ типовъ людей безвольныхъ, безсильныхъ, лишенныхъ трудовой дисциплины

и сильныхъ, опредѣляющихъ жизнь и поведеніе, убѣжденій. Даже у лучшихъ нашихъ писателей нѣтъ положительныхъ типовъ и самые попытки создать положительный типъ кажутся неестественными, фальшивыми. Въ томительныхъ поискахъ за силою и цѣльностью, въ желаніи отдохнуть отъ впечатлѣній дряблости, безволія и безсилія, русскіе писатели, какъ извѣстно, дошли до воспѣванія правды зоологическаго типа и отрицанія руководящей силы ума.

Но тѣмъ ярче на этомъ сѣренькомъ безотрадномъ фонѣ нашей обыденной жизни должны быть выдѣлены еще пока немногіе люди, которые своею жизнью показываютъ, что реализовать свои убѣжденія можно при всякихъ обстоятельствахъ и условіяхъ дѣятельности, что съ обстоятельствами можно считаться, но не подчиняться имъ, опустивъ руки. На ихъ примѣрахъ мы видимъ, что сознательная, мыслящая личность будетъ, на всѣхъ путяхъ жизни, творческой: нужно только вѣрить въ силу и обязательность логическаго вывода мысли. Этой вѣры пока у насъ нѣтъ и отсутствіе ея дѣлаетъ насъ преувеличенно-робкими предъ «независящими обстоятельствами». Мы до сего времени еще цѣнимъ работу мысли и научное знаніе только какъ «игру облагороженнаго ума» и въ опредѣляющую силу ихъ не вѣримъ. Съ этимъ, укоренившимся въ нашей натурѣ наслѣдіемъ вѣковаго режима намъ прежде всего надо покончить; — надо почувствовать свое право на жизнь по мысли и убѣженію. Для людей, искренно вѣрующихъ въ силу логическаго вывода, въ силу знанія нѣтъ непреодолимыхъ препятствій, они не падаютъ духомъ въ борьбѣ и будутъ всегда полезными творческими работниками. Между непреодолимыхъ, повидимому, препятствій прокладываютъ они свой путь и, работаютъ такъ, какъ имъ указываетъ логическій выводъ свободнаго ума. Освѣщая свою дѣятельность силою ума, они всегда идутъ и не могутъ не идти впередъ. Мысль ихъ непрерывно работаетъ надъ вопросами жизни и потому всегда сохраняетъ свою силу и свѣжесть. Ясность и сознательность несутъ они съ собою во всякую среду, и потому они—всегда на передовыхъ постахъ, всегда—желанные вожди и товарищи во всѣхъ фазахъ борьбы за лучшее будущее.

Однимъ изъ такихъ свѣтлыхъ, сознательныхъ людей былъ покойный Николай Федоровичъ Бунаковъ. Въ высшей степени дѣятельная, полная упорнаго непрерывнаго труда, жизнь его характеризуется неуклонной вѣрностью своимъ убѣженіямъ и яснымъ отчетливымъ пониманіемъ всей отвѣтственности мыслящаго человѣка передъ обществомъ и народомъ.

Трудовая жизнь Н. Ф. была всецѣло посвящена дѣлу народнаго образованія, задачамъ народно-общественной общеобразовательной школы. Въ настоящемъ очеркѣ, поставивъ цѣлью характеризовать покойнаго педагога, прежде всего, какъ человѣка и гражданина, мы могли отмѣтить лишь въ общихъ чертахъ сущность его педагогическихъ воззрѣній.

Желающимъ подробнѣе ознакомиться съ ними мы можемъ указать, какъ на лучшій источникъ, на книгу Н. Ф. «Школьное дѣло», вышедшую нынѣ 3-мъ изданіемъ. «Школьное дѣло» представляетъ собою учебный матеріаль, переработанный Н. Ф. на съѣздахъ и курсахъ учителей за 30-тилѣтіе—съ 1872 по 1902 годъ. Начало этому труду было положено книгой «Родной языкъ, какъ предметъ обученія», выдержавшей 13-ть изданій.

На важность педагогическихъ трудовъ Н. Ф. указываетъ широкая распространенность его книгъ. Его «Азбука», въ настоящемъ году, вышла 85-мъ изданіемъ; «Книжка-Первинка» выдержала 32 изданія; «Въ школѣ и дома»—38 изданій, и т. д. По отзывамъ опытныхъ народныхъ учителей, «Азбука Бунакова» едва ли не самая лучшая книга для обученія грамотѣ въ народной школѣ.

Матеріаломъ для настоящаго очерка послужили: ненапечатанныя еще автобіографическія записки Н. Ф., нѣкоторыя данныя о его жизни и дѣятельности, имѣющіяся въ его сочиненіяхъ, и личныя воспоминанія автора очерка о почившемъ дѣятелѣ.

Л. Македоновъ.

I.

Николай Федоровичъ Бунаковъ родился 26 ноября 1837 года въ Вологдѣ. Отецъ его, Федоръ Николаевичъ, былъ правителемъ канцеляріи Вологодскаго военнаго губернатора Бологовскаго, а мать — изъ помѣщичьяго рода Поповыхъ. Николай Федоровичъ помнилъ, что, во время его дѣтства, въ домѣ была крѣпостная прислуга. Первые годы дѣтства будущаго знаменитаго педагога прошли обычнымъ порядкомъ: семья жила такъ, какъ жили въ тѣ времена семьи средняго состоянія. Ученье началось у попа, а затѣмъ, для дальнѣйшей подготовки, былъ приглашенъ гимназистъ-семиклассникъ. Въ гимназіи мальчикъ не отличался успѣшностью и, кромѣ того, былъ аттестованъ, какъ «шалунъ, грубіанъ и дурной мальчишка». Въ качествѣ такового, мальчику пришлось испытать на себѣ всѣ мѣры педагогическаго воздѣйствія: оставленіе безъ обѣда, стояніе на колѣняхъ, сѣченіе розгами. Въ тѣ времена еще предполагали, что гимназія непременно должна «довести до дѣла» своихъ питомцевъ, и потому къ исключенію «шалуновъ» не прибѣгали. «Посѣкутъ, съ согласія родителей... а все-таки какъ-нибудь доведутъ и выпустятъ»...

Въ гимназіи начались первые литературные опыты Николая Федоровича въ формѣ различныхъ пародій и эпиграммъ на учителей. Понятно, что подобное сочинительство не особенно поощрялось. Въ гимназіи было много непріятностей, и родителямъ Николая Федоровича нерѣдко приходилось улаживать слишкомъ рѣзкія столкновенія своего гимназиста съ его учителями. Отчасти поэтому, отчасти изъ соображеній практическаго свойства, отецъ рѣшилъ направить сына по юридическому отдѣленію. Гимназіи тогда раздѣлялись на два отдѣленія, или факультета: филологическій и юридическій; послѣдній не давалъ права поступленія въ университетъ, а готовилъ къ государственной службѣ.

Но чиновника изъ Николая Федоровича не вышло, —слишкомъ была велика склонность къ какому либо живому серьезному дѣлу. Окончивъ въ 1854 году курсъ въ гимназіи, онъ, въ томъ-же году, выдержалъ экзаменъ на учителя уѣзднаго училища и былъ опредѣленъ учителемъ въ уѣздный городъ Тотьму на жалованье 17 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Правда, въ то время, и мѣсячная плата за квартиру изъ трехъ комнатъ съ полнымъ содержаніемъ была всего 7 руб. 50 коп.

Ко времени пребыванія въ Тотьмѣ относятся первые печатные труды Николая Федоровича: «Вологда въ началѣ XVII столѣтія» и критическій этюдъ о поэтѣ Батюшковѣ, напечатанный въ «Москвитянинѣ» въ 1855 г.

Въ 1857 году онъ былъ переведенъ учителемъ въ Кадниковъ, а въ 1859 году—въ Вологду. Учительство, однако не увлекало его, обнаруживалось больше склонности къ занятіямъ политической экономіей, этнографіей и статистикой. Рядъ статей въ «Русскомъ Словѣ», «Современникѣ», «Разсвѣтѣ» и другихъ журналахъ, даже въ «Вѣстникѣ Промышленности», указываетъ на преобладающій характеръ занятій молодого учителя въ это время. Работалъ онъ также и въ мѣстныхъ «Вѣдомостяхъ» и до 1862 года состоялъ производителемъ работъ въ Вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Учительство было на второмъ планѣ. Это и понятно. Весь строй школы и условія преподаванія не могли дать живого интереса къ дѣлу.

Интересъ къ школѣ, въ особенности, въ связи съ изученіемъ родного языка, началъ пробуждаться въ нашемъ обществѣ лишь съ началомъ реформаторскихъ вѣяній въ русской жизни. Общественные задачи школы поставлены были на очередь тѣмъ же освободительнымъ движеніемъ которое требовало коренной реформы всей русской жизни. Первыми провозвѣстниками новаго направленія въ педагогическомъ дѣлѣ, привлечшими вниманіе Н. Ф. къ дѣлу народнаго образованія, были журналы: «Учитель» П. Хр. Весселя и Юс. И. Паульсона и обновленный подъ редакцію К. Д. Ушинскаго «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Большое впечатлѣніе произвела на него также книга для чтенія К. Д. Ушинскаго «Дѣтскій Міръ». Дѣйствительное значеніе и важность разумнаго преподаванія родного языка начали выясняться въ сознаніи общества; скоро они пріобрѣтаютъ особый интересъ, привлекаютъ молодого учителя, и Н. Ф. начинаетъ работать въ этомъ направленіи. «Два образчика Русскаго народнаго эпоса»—была первая статья, съ которой онъ началъ, можно сказать, дѣло всей своей жизни.

Какъ живой человекъ, волнующійся запросами жизни, Бунаковъ не избѣжалъ и увлеченія обличительной литературой того времени. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Корша, въ 1859 году, появились «Разказы изъ вседневной жизни», а затѣмъ рядъ статей и корреспонденцій въ «Парусѣ», «Днѣ» и другихъ органахъ печати, обличительные разказы въ «Свѣточѣ» и видный разказъ «Село на юру», напечатанный въ издаваемомъ М. М. и Ф. М. Достоевскими журналѣ «Время».

Зимою 1861 года, Н. Ф., вмѣстѣ съ своимъ знакомымъ Любингеромъ, впервые побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ познакомился съ редакціей журнала «Вѣкъ». Здѣсь онъ видѣлся съ Ф. М. Достоевскимъ, А. Ф. Писемскимъ и П. И. Вейнбергомъ. Послѣдніе двое не понравились Бунакову, и онъ откровенно говоритъ, что Вейнбергъ, погубившій «Вѣкъ» своимъ безтактнымъ фельетономъ, подписаннымъ псевдонимомъ «Камень-Виногоръ», произвелъ на него нехорошее впечатлѣніе. Писемскій отталкивалъ своей циничностью и необычайнымъ самомнѣніемъ, хотя, въ

то же время, поражалъ силою своей наблюдательности и анализа лицъ и явленій.

По возвращеніи въ Вологду, Н. Ф. нашель тамъ большое интеллигентное общество. Начался наплывъ сюда ссыльныхъ студентовъ и поляковъ. Изъ первыхъ выдѣлился Лонг. Фед. Пантелѣевъ, а изъ вторыхъ—хромой Оскерко. Въ Вологдѣ жизнь оживилась, начались собранія, разговоры и споры объ общественномъ благѣ, задачахъ и обязанностяхъ общества и т. п. Оживленіе было однако скоро прекращено суровыми мѣрами административнаго воздѣйствія. Поводомъ къ репрессіямъ послужилъ открытый въ мѣстной семинаріи «заговоръ» среди учащихся. Къ участникамъ «заговора» было предъявлено обвиненіе въ желаніи устроить въ деревнѣ земледѣльческую колонію съ «преступнымъ замысломъ о просвѣщеніи народа».

Крушеніе «преступныхъ замысловъ» сильно понизило настроеніе общественной жизни въ Вологдѣ. Н. Ф. снова принимается за обличительную литературу. Въ «Свѣточѣ» появляется рассказъ «Новымъ духомъ вѣетъ» и другіе на тему объ отношеніи провинціального общества къ «новому духу». Въ это время, талантливое преподаваніе русскаго языка обратило на Бунакова вниманіе общества, и онъ начинаетъ пользоваться извѣстностью. Когда, въ 1862 году, Н. Ф. получилъ мѣсто преподавателя въ младшихъ классахъ мужской и женской гимназій, онъ окончательно увлекся учительствомъ, и уроки русскаго языка обратились у него въ лекціи. Пылкость молодого преподавателя увлекала дѣтей, свѣжее чистое теченіе мысли захватывало, будило хорошія чувства. Ученики и ученицы отъ души полюбили своего учителя. Но возраставшая популярность его, съ другой стороны, возбуждала зависть и вражду въ старомъ педагогическомъ персоналѣ, начались столкновенія, раздоръ и нападки на «вольнодумство». Раздоръ усиливался строптивымъ характеромъ Бунакова, никогда не умѣвшаго уступать. На нападки онъ отвѣчалъ, какъ лично, такъ и рядомъ обличительныхъ рассказовъ, особенно обильно выходившихъ въ это время изъ подъ пера талантливаго учителя. Писалъ онъ очень много. Къ этому времени, 1861—1863 г.г., относятся повѣсти: «Городъ и деревня» (Время), «Озерской приходъ» (Библіот. для чтенія 1863 г.), «Лихой годъ» (Якорь 1863 г.), «На подсѣкѣ» (Русское Слово). Въ «Русской Сценѣ» былъ помѣщенъ рядъ рецензій, а въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» рядъ статей по мѣстнымъ вопросамъ.

Въ 1863 году, Н. Ф., вмѣстѣ съ товарищемъ Фл. Арс. Арсеньевымъ дѣлаетъ попытку основать въ Вологдѣ частную газету «Починокъ». Между тѣмъ, въ мѣстномъ обществѣ все болѣе и болѣе развивалось неудовольствіе на «писаку» и вскорѣ оно дошло до опутительныхъ проявленій вражды. Послѣ спора и ссоры съ мѣстными обывателями въ клубѣ по поводу устройства «патріотическаго» бала, противъ Бунакова началась настоящая

агитація съ цѣлью удаленія безпокойнаго человѣка. Какъ разъ въ это время появился въ «Искрѣ» рассказъ «Выборъ старшинъ», а затѣмъ въ «Русскомъ Словѣ»—повѣсть «Бѣсовское навожденіе». И въ томъ, и въ другомъ произведеніи, мѣстное общество и власти осыпались ѣдкими сарказмами. Агитація, понятно, еще болѣе усилилась, и въ началѣ 1864 года Н. Ф. былъ переведенъ въ Полоцкое «дворянское» училище. Вологжане избавились отъ безпокойства.

Предварительно переѣзда на новое мѣсто, Н. Ф. рѣшилъ поѣхать въ Петербургъ и взять съ этою цѣлью отпускъ. Желанія ѣхать въ Полоцкъ не было, но съ другой стороны нужно было чѣмъ-нибудь жить. Нужно было выяснитъ возможность существовать, не прибѣгая къ служебной лямкѣ. Въ это время онъ былъ уже женатъ. Еще въ 1860 году, Н. Ф. женился на Александрѣ Михайловнѣ Смекаловой. Бракъ былъ неудаченъ: супруги слишкомъ сильно расходились въ своихъ воззрѣніяхъ, и рознь между ними началась очень скоро. Тѣмъ не менѣе, они прожили вмѣстѣ около 16 лѣтъ. Въ 1874 году, у нихъ родился единственный сынъ, но это не скрѣпило союза, и въ 1876 году они разошлись совсѣмъ.

II.

По приѣздѣ въ Петербургъ, Н. Ф. рѣшилъ отказаться отъ перевода въ Полоцкъ, и былъ причисленъ къ округу. У него явилось намѣреніе жить литературнымъ трудомъ, тѣмъ болѣе, что, по прежней работѣ, его уже знали въ редакціи «Русскаго Слова». Но, при ближайшемъ знакомствѣ съ редакторомъ журнала Благосвѣтловымъ и ближайшими сотрудниками послѣдняго, или «тѣлохранителями», какъ называетъ ихъ Н. Ф. въ своихъ воспоминаніяхъ: Благовѣщенскимъ, Зайцевымъ и Луканинымъ, всѣ они произвели на Н. Ф. впечатлѣніе, далекое отъ представленія о нихъ въ его воображеніи, и онъ охладѣлъ къ редакціи «Русскаго Слова». Съ лучшими сотрудниками журнала: Д. И. Писаревымъ и Н. В. Шелгуновымъ, Н. Ф. не успѣлъ познакомиться. Кромѣ того, по складу своихъ мыслей, по своимъ взглядамъ, Н. Ф. всею душою тяготѣлъ къ «Современнику», бывшему тогда выразителемъ думъ лучшей части русскаго общества. Яркость и опредѣленность направленія журнала и высокая нравственная чистота его ближайшихъ руководителей создавали «Современнику» репутацію, которой потомъ уже не пользовался ни одинъ русскій журналъ. Къ сожалѣнію, въ это время, «Современникъ» уже испытывалъ на себѣ тяжелый гнетъ административныхъ стѣсненій, и редакція его скоро лишилась своихъ наиболѣе свѣтлыхъ представителей. Примкнуть къ «Современнику» было трудно, и Н. Ф., какъ еще не

опредѣлившійся писатель, не могъ рассчитывать здѣсь на постоянную работу. Притомъ, какъ человѣкъ, привыкшій отдавать себѣ отчетъ въ своей дѣятельности и оцѣнивать свои труды, Н. Ф. скоро пришелъ къ заключенію, что у него нѣтъ художественнаго таланта и дальше обличительныхъ рассказовъ онъ пойдти не можетъ, положеніе-же рядового чернорабочаго литературы ему совсѣмъ не нравилось. Не нравилось ему также и общество, гдѣ приходилось вращаться. Либеральный кружокъ отталкивалъ его своей исключительностью и нетерпимостью. Какъ человѣкъ самостоятельной мысли, онъ не могъ выносить кружковаго деспотизма, и ему волей-неволей, приходилось держаться особнякомъ, испытывая мучительное одиночество мысли, въ особенности—нестерпимое въ молодости.

Разочарованіе въ своихъ силахъ и способности къ литературному труду, а также и возрастающее критическое отношеніе къ либеральнымъ кружкамъ, вызвало, какъ реакцію послѣ предшествовавшей пылкой дѣятельности, временный упадокъ, и Н. Ф., какъ онъ говоритъ самъ объ этомъ періодѣ своей жизни, впалъ въ уныніе. Сомнѣніе въ собственныхъ силахъ закралось въ сознаніе, трудовая энергія ослабѣвала, и работа потеряла интересъ ¹⁾. Н. Ф. уже начиналъ думать о невозможности найти тотъ трудъ, которому можно было бы отдаться вполне и найти удовлетвореніе. Знакомство [съ двумя идеальными педагогами шестидесятыхъ годовъ: К. Д. Ушинскимъ и Ф. Ф. Резенеромъ дало иное направленіе его мысли. Подъ вліяніемъ ихъ и въ особенности Ф. Ф. Резенера—человѣка необыкновенной душевной чистоты и беззавѣтно-преданнаго дѣлу народнаго образованія—27-ми-лѣтній Бунаковъ, такъ сказать пересмотрѣлъ и переоцѣнилъ свою дѣятельность, беспощадно осудилъ все, что онъ дѣлалъ до этого времени, и страстная жажда педагогическаго труда вновь охватила его. Въ обществѣ Ушинскаго и Резенера, Н. Ф. нашелъ серьезно-убѣжденныхъ людей, дѣйствительныхъ искреннихъ друзей народа. Упомянувъ о начинаніяхъ Резенера въ области начальнаго народнаго образованія, Н. Ф. сравнивалъ его съ графомъ А. Н. Толстымъ, также основавшимъ начальную школу въ с. Ясная Поляна и ставилъ Резенера выше, такъ какъ убѣжденія послѣдняго—«не барскій диллетантизмъ».

Познакомившись ближе съ Ф. Ф. Резенеромъ, Н. Ф. принималъ участіе въ основанной Резенеромъ начальной школѣ, гдѣ отрицалась принудительность занятій и ставилось цѣлью привлечь дѣтей однимъ интересомъ знанія. Первые опыты на новомъ пути были не совсѣмъ удачны, но все-же удавалось задерживать дѣтей 20—25 минутъ на мѣстѣ вполне добровольно. Въ это-же время, Н. Ф., вмѣстѣ съ другими педаго-

¹⁾ За все это время имъ были напечатаны только два рассказа въ журналѣ «Эпоха»: «Наши бракопьеры» и «Ума помраченье».

гами, давалъ уроки сыну Н. Г. Чернышевскаго, уже заключеннаго въ это время въ крѣпости. Уроки были, конечно, бесплатные, такъ какъ «сынъ Чернышевскаго имѣлъ право на полное вниманіе всего русскаго общества».

Въ августѣ 1865 года, Н. Ф. впервые побывалъ въ Воронежѣ, который ему очень понравился. Сначала онъ поѣхалъ въ Новохоперскій уѣздъ, въ имѣніе кн. Долгорукова, гдѣ была сдѣлана попытка устроить начальную школу для крестьянскихъ дѣтей. Попытка была неудачна, такъ какъ, къ началу занятій, въ школѣ оказался только одинъ ученикъ. На возвратномъ пути въ Петербургъ, Н. Ф., остановившись въ Воронежѣ, познакомился съ педагогическимъ персоналомъ кадетскаго корпуса, только что преобразованнаго тогда въ военную гимназію. Знакомство съ директоромъ гимназіи Винклеромъ, инспекторомъ Готовымъ и однимъ изъ преподавателей, не безызвѣстнымъ въ литературѣ Де-Пуле, было вызвано представившеюся Н. Ф. возможностью получить мѣсто въ гимназіи. Съ обновленіемъ военно-учебныхъ заведеній, въ нихъ усиленно привлекались талантливые преподаватели и воспитатели. Инициатива обновленія исходила непосредственно отъ бывшаго тогда главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исакова, о которомъ Н. Ф. сохранилъ весьма хорошія воспоминанія. Хотя мѣсто въ Воронежской военной гимназіи еще не было вакантно, и въ полученіи его Н. Ф. не былъ увѣренъ, но хорошее впечатлѣніе отъ знакомства съ педагогическимъ персоналомъ гимназіи укрѣпило желаніе Н. Ф. остаться въ Воронежѣ, и онъ весьма неопредѣленно отвѣтилъ на сдѣланное ему тогда-же приглашеніе занять мѣсто воспитателя въ Полоцкомъ корпусѣ.

Смерть отца, въ томъ-же году, вызвала Н. Ф. въ Вологду, гдѣ онъ получилъ извѣстіе, что мѣсто въ Воронежѣ освободилось. Въ недолгое пребываніе въ Вологдѣ, Н. Ф., однако, успѣлъ принять дѣятельное участіе въ общественной жизни города. Прочитанныя имъ двѣ лекціи о Фребелѣ и по женскому вопросу возбудили общее вниманіе. Затѣмъ, сблизившись съ мѣстной интеллигенціею, онъ принялъ участіе въ сенсационномъ процессѣ, волновавшемъ вологжанъ. Судился за рѣзкое нарушеніе дисциплины солдатъ, нестерпѣвшій грубости и безправнаго положенія въ военной службѣ. Вологжане впервые видѣли гласный военный судъ. Явилась надежда на оправданіе солдата, или, по крайней мѣрѣ, на смягченіе его участи, и было рѣшено помочь ему въ защитѣ. Редактированіе защитительной рѣчи принялъ на себя Н. Ф. Но участь солдата была предрѣшена и, несмотря на прекрасную защиту, онъ былъ осужденъ и разстрѣлянъ. Общество выразило свой протестъ тѣмъ, что отслужило торжественную похорону по разстрѣлянному.

Въ началѣ 1866 года, Н. Ф. былъ уже въ Воронежѣ преподавателемъ русскаго языка въ военной гимназіи. Желая поставить на должную вы-

соту дѣло, пріохотить воспитанниковъ къ изученію родной рѣчи и внушить имъ любовь къ русской литературѣ, онъ весь отдался своей работѣ. Въ первое время, онъ не давалъ ни одного урока, не подготовившись къ нему предварительно. Основательно продумавъ весь планъ занятій, онъ измѣнилъ господствовавшую ранѣе систему преподаванія, и ученики его всегда слышали живое слово. Далеко не склонный къ снисходительности и всегда требовательный, Н. Ф. успѣлъ, тѣмъ не менѣе, скоро пріобрѣсти искреннюю любовь учениковъ; доходившая до энтузіазма преданность своему дѣлу преподавателя какъ бы передавалась дѣтямъ, и у нихъ уроки русскаго языка скоро сдѣлались любимыми уроками.

Недостатки начального образованія, ярко сказывавшіеся въ подготовкѣ учениковъ младшихъ классовъ гимназіи, вновь возбудили въ Н. Ф. мысль о необходимости основанія начальной школы съ задачами раціональнаго обученія. Вмѣстѣ съ двумя своими знакомыми, Гуторомъ и Кильчевскимъ, онъ неоднократно обсуждалъ проектъ школы для начального обученія въ г. Воронежѣ. Но нужно было преодолѣть много препятствій для того, чтобы осуществить возникшую мысль. Не говоря уже о недостаткѣ средствъ, самое разрѣшеніе на открытіе школы давалось съ трудомъ. Въ особенности трудно было поладить съ директоромъ губернской гимназіи А. М. Б—овымъ—ставленникомъ Министра Народнаго Просвѣщенія Д. А. Толстого; это былъ не только реакціонеръ въ дѣлѣ образованія, но еще и нравственно плохой человѣкъ. По выраженію Н. Ф., Б—овъ своимъ взяточничествомъ нарушалъ всѣ традиціи Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ, при всѣхъ недостаткахъ постановки дѣла, все-же, даже въ Николаевскія времена, не было взяточниковъ. Съ другой стороны, Воронежское общество, хотя и сочувствовало идеѣ школы, но активной помощи отъ него, какъ уже убѣдился Н. Ф., ожидать было трудно. Прошелъ цѣлый годъ, пока усиліями Н. Ф. и его близкихъ друзей школа была открыта.

Озабоченный мыслью объ открытіи школы, въ постоянномъ трудѣ преподаванія въ военной гимназіи, Н. Ф. не оставляетъ, однако, и литературной дѣятельности, сотрудничая, какъ въ мѣстной прессѣ: газетахъ «Воронежскій Телеграфъ» и «Донъ» и журналѣ «Филологическія Записки», такъ и въ столичныхъ изданіяхъ. За 1866 годъ имъ въ однихъ только «Фил. Зап.» помѣщено шесть статей. Въ 1867 году, въ виду открытія въ Воронежѣ новыхъ судебныхъ учреждений, Н. Ф. специально учился стенографіи, чтобы имѣть возможность записывать первые процессы гласнаго судопроизводства, къ которымъ, такъ или иначе, привлекалось вниманіе общества. Судебная реформа, при сравнительно-удачномъ подборѣ первыхъ дѣятелей суда въ Воронежѣ, внесла значительное оживленіе въ мѣстную жизнь, и стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ читались очень охотно.

III.

«Школа Бунакова» въ Воронежѣ была открыта 16 августа 1867 года и очень скоро заслужила симпатіи общества. Открытіе школы сопровождалось публичными лекціями: о Фребелѣ, дѣтскихъ садахъ, о Песталлоцци. Въ то же время, Н. Ф., объясняя задачи новой школы, въ мѣстной газетѣ «Воронежскій Телеграфъ», напечаталъ статью: «Въ чемъ нуждаются Воронежскія дѣти». Школа соединила много хорошихъ людей, полныхъ любви къ дѣтямъ и самоотверженно отдававшихъ себя дѣлу воспитанія. Н. Ф. всю жизнь помнилъ и учителей, и учениковъ первыхъ лѣтъ существованія школы. «Это была въ моей жизни», говорилъ онъ, — «такая свѣтлая, радостная, истинно-праздничная пора, — какъ-же я могу забыть ее»..

Въ воспоминаніяхъ Н. Ф. ярко обрисовываются первые дѣятели школы. Законоучителемъ былъ діаконъ церкви военной гимназіи А. И. Чуевъ — единственный, по словамъ Н. Ф. хорошей законоучитель, сумѣвшій сдѣлать Законъ Божій любимымъ предметомъ учениковъ. Его рассказы изъ библейской исторіи, толкованія Евангелія и объясненія сущности великаго ученія Христа слушались дѣтьми съ восторженнымъ вниманіемъ. Урока Закона Божія дѣти ждали, какъ праздника. Въ идеальномъ свѣтѣ встаетъ, въ воспоминаніяхъ, и первая учительница школы Н. Я. Левина, душа которой, по выраженію Н. Ф., являла «море любви» къ дѣтямъ.

Самъ Н. Ф. отдавалъ школѣ почти все свое свободное время, наблюдая за ея жизнью и руководя занятіями. Онъ составлялъ отчеты, знакомящіе общество съ дѣятельностью школы, отстаивалъ свободу преподаванія въ ней и дѣлалъ все, чтобы обществу была обеспечена широкая возможность ознакомленія съ жизнью школы. Въ 1867—1868 г.г., кромѣ статей и замѣтокъ въ мѣстной прессѣ, имъ было написано 16 педагогическихъ статей въ журналахъ: «Педагогическій сборникъ», «Учитель», «Семья и школа».

Къ этому же времени (1868—1869 г.г.) относится участіе Н. Ф. въ редактированіи основанной незадолго предъ этимъ газеты «Воронежскій Телеграфъ». Основатель газеты, нѣкто Гольдштейнъ, желалъ, чтобы Н. Ф. былъ редакторомъ газеты, но, неизвѣстно по какимъ причинамъ, оффиціально Н. Ф. редакторомъ не утвердили, и онъ долженъ былъ руководить газетой негласно. Въ теченіи девяти мѣсяцевъ, Н. Ф. несъ тяжелый трудъ фактическаго редактора, трудъ, осложняемый еще борьбою съ губернской цензурой и съ довольно тупоумнымъ и трусливымъ отвѣтственнымъ редакторомъ. Занятый преподаваніемъ въ военной гимназіи, работою въ своей школѣ, участіемъ въ педагогической прессѣ, для газеты Н. Ф. былъ вынужденъ работать по ночамъ. Такой напряженный трудъ, въ связи съ волненіями борьбы, которой онъ отдавался со всей страст-

ностью своего пылкаго темперамента, въ концѣ концовъ, надорвалъ даже его сильную и здоровую натуру. Послѣдовала четырехмѣсячная болѣзнь, заставившая Н. Ф. отказаться отъ редактированія «Воронежскаго Телеграфа».

Трудовая энергія Н. Ф. была вообще изумительна. Въ какомъ-бы дѣлѣ онъ не принималъ участіе, онъ всегда и всюду вносилъ свою работу, дѣйствительный серьезный трудъ. Независимо отъ очерченныхъ нами занятій его въ Воронежѣ, въ періодъ 1866—1870 г.г., Н. Ф. принималъ живое участіе въ дѣятельности Воронежскаго кружка по устройству публичныхъ чтеній. По обыкновенію, онъ увлекся дѣломъ и написалъ нѣсколько лекцій, но вскорѣ разошелся съ руководителями кружка, замѣтивъ ихъ неискренность. Ему не нравилась, какъ онъ выражался, ходульность и напускное величіе воронежскихъ либераловъ того времени. Какъ, къ сожалѣнію, у насъ очень часто бываетъ, воронежскіе либерально-общественные дѣятели, сдѣлавъ кое-что, почти сейчасъ-же успокоились на сознаніи, что они, и только они, могутъ сдѣлать все, и не только не расширяли своей дѣятельности, но даже съ крайней нетерпимостью относились къ попыткамъ общественной работы со стороны лицъ, не принадлежавшихъ къ кружку. «Нашъ интеллигентный кружокъ», какъ называли себя участники его, скоро обратился въ союзъ «своихъ чловѣчковъ», нетерпимый и враждебный всякой критикѣ своихъ дѣйствій. Съ ослабленіемъ общественности, не могло не появиться, и скоро появилось у многихъ членовъ стремленіе устраивать, съ помощью кружковой сплоченности, свои личныя дѣла. Понятно, что Н. Ф., всегда ставившій на первомъ планѣ общественное дѣло, не долго былъ желаннымъ гостемъ въ кружкѣ интеллигентовъ, связанныхъ не столько общественнымъ дѣломъ, сколько желаніемъ извлечь отсюда личныя выгоды. «Я не могу видѣть», говоритъ Н. Ф., объясняя свое отношеніе къ одной либеральной Воронежской семьѣ, — «не могу видѣть эту риторику въ лицахъ, эту рисовку либерализмомъ, эту картину эксплуатаціи самыхъ высокихъ идей и чувствъ въ пользу мелочнаго тщеславія и дрянненькихъ житейскихъ Выгодъ». Но, разойдясь лично съ кружковыми руководителями, онъ не оставлялъ дѣла и, какъ только являлась надобность въ его трудѣ, — а надобность эта, при отсутствіи хорошихъ лекторовъ, являлась довольно часто, — онъ работалъ для публичныхъ чтеній, не стѣсняясь крайнимъ недостаткомъ свободнаго времени.

Конечно, главнымъ предметомъ заботъ Н. Ф. была его школа, которую вскорѣ пришлось защищать отъ слишкомъ попечительнаго начальственнаго надзора. Свобода и публичность занятій въ школѣ вызывали неодобреніе начальства. Въ то время казалось (да, пожалуй, еще и нынѣ многимъ кажется), что предоставленіе каждому желающему и искренно-интересующемуся дѣломъ посѣтителю права присутствовать на занятіяхъ

ужасно можетъ повредить школъ. Склонность къ бюрократической тайнѣ, проникающая и донинѣ сознание даже общественныхъ дѣятелей, заставляетъ видѣть въ каждомъ свидѣтелѣ обычныхъ занятій учрежденія врага и вызываетъ какую-то болѣзненную боязнь свободной критики. Этимъ господамъ почему-то всегда мерещится толпа, которая ворвется къ нимъ въ отворенныя двери и лишитъ ихъ возможности мирно углубляться въ ихъ занятія. Соображеніе о томъ, что, почти при полномъ отсутствіи интереса къ общественнымъ дѣламъ у русскаго человѣка, всякому общественному учрежденію можно бояться не избытка посѣщеній, а скорѣе полного ихъ отсутствія, обыкновенно нашимъ «дѣателямъ» не приходитъ въ голову. А сколько ошибокъ и печальныхъ послѣдствій могло бы предотвратить наблюденіе со стороны общества за обычнымъ ходомъ хотя бы школьнаго дѣла, сколькихъ оно бы разбудило отъ опасной дремоты, а въ желающихъ работать повысило энергію и дало имъ новыя силы. Именно въ этомъ благотворномъ вліяніи общественной критики Н. Ф. видѣлъ залогъ жизненности своей школы и потому всѣми мѣрами старался знакомить общество со всѣмъ ходомъ школьной жизни. Помимо открытаго для всѣхъ свободнаго посѣщенія школы во время занятій, очень часто въ школѣ устраивались вечера для дѣтей и ихъ родителей, на которыхъ предлагалось дѣтямъ выполненіе школьныхъ работъ, напр., рѣшеніе задачъ, съ выдачею премій за лучшее выполненіе работы.

«Школа Бунакова» существовала въ Воронежѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Н. Ф., 17 лѣтъ, до 1884 года. Насколько велико было значеніе этой школы, въ смыслѣ правильности постановки дѣла начальнаго обученія, видно изъ того, что еще и нынѣ лучшимъ подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ въ Воронежѣ считается частная школа г-жи Афанасьевой, работавшей когда-то въ «школѣ Бунакова». Лично Н. Ф. его школа, помимо нравственнаго удовлетворенія и живой провѣрки выработанныхъ взглядовъ на дѣло начальнаго обученія, ничего не давала. Матеріальныхъ выгодъ Н. Ф. и не преслѣдовалъ. Всѣ доходы школы употреблялись на нужды учебнаго дѣла. Коллекція учебныхъ пособій школы непрерывно пополнялась и, чрезъ 10 лѣтъ послѣ основанія школы, уже была такъ богата, что въ 1877 году явилась возможность устроить достаточно полную выставку всѣхъ пособій для начальнаго обученія.

Какъ результатъ занятій въ школѣ, появились въ 1871 году первыя педагогическія работы Н. Ф.: «Азбука и уроки чтенія и письма» и «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу»; въ 1872 г.: «Уроки начальной русской грамматики». Результатами преподавательской дѣятельности въ военной гимназіи были изданныя въ 1872—1874 г.г. книги: «Концентрической учебникъ русской грамматики», «Замѣтки о

преподаваніи русской словесности» и четырехъ-томная «Хрестоматія для изученія образцовъ русской словесности».

Если мы припомнимъ все, что нами выше сказано объ общей дѣятельности Н. Ф-ча за первое пятилѣтіе жизни въ Воронежѣ, то, при упоминаніи о составленныхъ имъ за это время книгахъ, намъ еще разъ придется удивиться необычайной трудовой энергіи и работо-способности молодого педагога.

IV.

Съ 1872 года педагогическая дѣятельность Н. Ф. Бунакова въ области народнаго образованія значительно расширяется. Отправившись въ этомъ году на политехническую выставку въ Петербургъ, онъ принялъ участіе въ устроенномъ на выставкѣ всероссійскомъ съѣздѣ народныхъ учителей. Съѣздъ былъ устроенъ по иниціативѣ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исакова. Настойчивость и энергія, съ которой Н. В. Исаковъ взялся за дѣло, побѣдили противодѣйствіе тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія графа Д. А. Толстого, и съѣздъ состоялся вопреки желанія послѣдняго. Н. Ф. не предполагалъ выступать лекторомъ на съѣздѣ, но внезапный отказъ одного изъ приглашенныхъ уже лекторовъ г. Рашевского побудилъ устроителей съѣзда предложить чтеніе лекцій по русскому языку Н. Ф. Бунакову. Лекціи имѣли большой успѣхъ и въ послѣдствіи издателемъ Семашко выпущены отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ школахъ съ трехгодичнымъ курсомъ».

На съѣздѣ Н. Ф. познакомился съ многими дѣятелями по народному образованію, изъ которыхъ онъ съ особой теплотой отзывался о вятскомъ священникѣ Н. Н. Блиновѣ и будущемъ издателѣ Фл. П. Павленковѣ; менѣе благопріятенъ его отзывъ о Х. Д. Алчевской, пріобрѣтшей въ послѣдствіи широкую популярность своей дѣятельностью въ Харьковской воскресной школѣ. По всей вѣроятности, Н. Ф-чу не нравилось въ ней то же, что онъ осуждалъ, въ числѣ другихъ недостатковъ, въ Воронежскомъ либеральномъ кружкѣ: слишкомъ усиленное рекламированіе небольшого по существу дѣла.

Участіе въ лекціяхъ на всероссійскомъ съѣздѣ учителей увеличило извѣстность Бунакова, какъ педагога и лектора, а это, въ свою очередь, способствовало улучшенію его матеріальнаго положенія. Помимо гонорара за лекціи (600 р.), доходы его увеличились и отъ оживившагося сбыта книгъ. Улучшеніе матеріальнаго положенія возбудило въ немъ надежду

на возможность независимаго вѣ-служебнаго существованія и мечты о своей народной школѣ. Н. Ф. началъ думать объ осѣдлости въ деревнѣ и объ устройствѣ тамъ начальной школы въ связи съ другими просвѣ-тительными учрежденіями. Но мечты эти удалось ему осуществить лишь долгое время спустя.

Въ 1873 и 1874 г.г., мы видимъ Н. Ф-ча руководителемъ съѣздовъ учителей народныхъ школъ въ Костромѣ (два съѣзда), Херсонѣ и Псковѣ. На всѣхъ съѣздахъ онъ неизмѣнно завоевывалъ самыя живыя симпатіи учителей. Въ особенности большой успѣхъ имѣлъ онъ на съѣздѣ въ Херсонѣ, гдѣ составъ учащихъ народныхъ школъ былъ значительно-интеллигентнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Тщательно подготовляясь къ работѣ на съѣздахъ, Н. Ф. повсюду возилъ съ собою коллекцію учебныхъ пособій, которыхъ въ народной школѣ того времени было очень мало. Земство только-что начинало правильную дѣятельность по организаци дѣла народнаго образованія, и послѣднее страдало весьма многими недостатками: не было достаточнаго числа подготовленныхъ учителей, не было хорошихъ помѣщеній для школъ, не было и учебныхъ пособій. Съѣзды имѣли огромное значеніе, какъ для учителей, которымъ они уясняли великія задачи скромной дѣятельности народнаго учителя, такъ и для земскихъ дѣятелей, знакомившихся здѣсь непосредственно съ нуждами сельской школы. Съ земскими дѣятелями у Н. Ф-ча тоже почти всегда устанавливались самыя лучшія отношенія; въ большинствѣ это были искренніе, хотя не всегда умѣлые и настойчивые, друзья народнаго образованія. Въ воспоминаніяхъ Н. Ф-ча особо отмѣчается бывший въ 1874 году предсѣдателемъ Псковской губернской земской управы Н. А. Вагановъ.

На съѣздѣ учителей въ Псковѣ, Н. Ф. отмѣчаетъ еще одинъ трогатель-ный эпизодъ. Во время занятій, въ залъ вошелъ слѣпой высокій сѣдовласый старецъ, съ необыкновенно свѣтлымъ и благороднымъ выраженіемъ лица. Это былъ декабристъ М. А. Назимовъ, прибывшій привѣтствовать на-рожденіе народной школы, какъ осуществленіе мечты его юности. Семья Назимовыхъ отличалась своей вѣрностью служенія народу, и внучка М. А-ча пошла сама въ народъ учительницей. Н. Ф. говоритъ, что его до слезъ тронулъ звучавшій энтузіазмомъ молодости любовный привѣтъ слѣпого старца. «Да, были люди»!

Не долги, однако, были красные дни развитія народной школы, уже начавшей объединять въ святомъ дѣлѣ народнаго образованія само-отверженныхъ энтузіастовъ. На 1875 годъ, Н. Ф. былъ приглашенъ снова руководить съѣздами учителей въ четырехъ губерніяхъ, но подъ его руководствомъ ни одинъ съѣздъ не былъ разрѣшенъ. Вскорѣ и вообще всѣ съѣзды народныхъ учителей были запрещены. Вынужденное отстраненіе отъ интересовъ народной школы было серьезнымъ горемъ для

Н. Ф-ча. Сильно огорчила его также и появившаяся въ это время статья Л. Н. Толстого «О народномъ образованіи», которая прямо подкрѣпляла начавшуюся правительственную реакцію противъ новыхъ принциповъ обученія. Въ разговорѣ объ этой статьѣ, Н. Ф. высказывалъ предположеніе, что неуспѣхъ вышедшей ранѣе азбуки Л. Н. Толстого подвинулъ его на желчную выходку противъ обновленной школы, и что барское самолюбіе играло значительную роль въ тѣхъ нападкахъ на новые методы обученія, которыми наполнена статья. Въ своемъ отвѣтѣ, напечатанномъ въ журналѣ «Семья и школа», Н. Ф. бросаетъ Л. Н. Толстому прямой упрекъ во лжи. Но, отрицая правдивость и вѣрность заключеній статьи Л. Н. Толстого, Н. Ф. говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что яркая и образная критика великаго писателя имѣла большое значеніе: она подѣйствовала отрезвляющимъ образомъ на тѣхъ педагоговъ, которые чрезмѣрно увлекались методикой преподаванія, приводившей по сухому формализму въ занятіяхъ.

Педагогическія работы Н. Ф-ча шли своимъ чередомъ. Въ 1875 году выпущены имъ книги: «Въ школѣ и дома» и «Книжка-первинка» и переработана вновь большая «Хрестоматія». Въ усиленныхъ кабинетныхъ занятіяхъ Н. Ф. искалъ отдыха, какъ отъ внѣшнихъ непріятностей, такъ и отъ домашнихъ раздоровъ. Рожденіе сына (1874 г.), названнаго, въ честь Царя-Освободителя, Александромъ, не улучшило отношеній Н. Ф-ча съ женой, и въ 1876 году, какъ было уже сказано, супруги разошлись добровольно, по обоюдному соглашенію.

Въ 1877—1878 г.г., реакціонныя вѣянія въ области учебнаго дѣла распространили свое вліяніе и на Воронежскую военную гимназію. Появились мало по малу, сначала хотя и мелочныя, но постоянныя, стѣсненія установившейся было свободы преподаванія. Надзоръ инспекціи сдѣлался придирчивѣе, и за преподаваніемъ начали слѣдить. Пресловутая «благонадежность» появилась на сцену, и личность преподавателя впервые подверглась переоцѣнкѣ именно съ этой точки зрѣнія. Особенно свирѣпствовалъ вновь назначенный инспекторъ С—овъ, котораго преподаватели и учащіеся прозвали урядникомъ. Для Н. Ф-ча съ его страстнымъ боевымъ темпераментомъ, мелочная придирчивость инспекціи была особенно нестерпима, и служба въ гимназій для него скоро обратилась въ рядъ непріятностей. Вызванная ими усиленная трата нервной энергіи, на почвѣ продолжительнаго умственнаго утомленія, надломила организмъ Н. Ф-ча, и въ 1878 году съ нимъ сдѣлался ударъ, повлекшій за собою параличъ лѣвой половины тѣла. Продолжительное леченіе въ Воронежѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, отдыхъ въ Крыму (1879 г.) и Кисловодскѣ (1880 г.) нѣсколько ослабили послѣдствія удара, но слѣды паралича остались однако, на всю жизнь.

Незадолго передъ болѣзнью, Н. Ф. познакомился съ своей, въ будущемъ, второй женой Л. И. Михайловой. Знакомство вскорѣ перешло въ

тѣсную и нѣжную дружбу, чему не мало способствовала болѣзнь Н. Ф-ча. Сопровождая его всюду, она окружила его тѣми удобствами домашней жизни, въ которыхъ очень нуждался переутомленный и нервный Н. Ф.

Продолжительное лѣчение отъ послѣдствій паралича и потребность отдыха не останавливали дѣятельности Н. Ф-ча: онъ работалъ, едва поправившись, по прежнему. Въ 1879 году вышелъ его «Краткій курсъ русской грамматики для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній», по мнѣнію самаго Н. Ф-ча, лучшая изъ его работъ, хотя и менѣе распространенная. Къ этому же времени относится начало постоянного сотрудничества Н. Ф-ча въ основанномъ Латышевымъ журналѣ «Русскій народный учитель».

Отдаваясь своимъ работамъ, Н. Ф., въ тоже время, оставался вполне чобщественнымъ еловѣкомъ. Впослѣдствіи, онъ давалъ такую вѣрную и сильную характеристику конца семидесятыхъ годовъ, что приходилось невольно удивляться его глубокому и вдумчивому отношенію къ политической жизни того времени. Любопытенъ его отзывъ о графѣ Лорисѣ Меликовѣ, какъ «хитромъ и пронырливомъ армянинѣ, котораго даже Д. Толстой былъ образованнѣе, умнѣе и честнѣе». Н. Ф. совершенно не вѣрилъ въ искренность пресловутой «диктатуры сердца» и видѣлъ въ ней только попытку ослабить оппозиціонную энергію общества. Жестокое отношеніе Лорисъ-Меликова къ политическимъ заключеннымъ и сильнымъ, извѣстное тогда немногимъ и только позже засвидѣтельствованное Кеннаномъ, показало, что мнѣніе Н. Ф-ча о личности диктатора было правильно.

V.

Въ 1881 году, при министрѣ народнаго просвѣщенія баронѣ Николаи, который, по словамъ Н. Ф-ча, отличался доброжелательнымъ, прямымъ и честнымъ отношеніемъ къ народному образованію, возобновились на нѣкоторое время учительскіе сѣзды. Въ этомъ году, лѣтомъ, Н. Ф. руководилъ сѣздомъ народныхъ учителей Верхотурскаго (Пермской г.) уѣзда, въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ. Здѣсь онъ познакомился съ другимъ извѣстнымъ педагогомъ бар. Н. А. Корфомъ, съ которымъ потомъ въ декабрѣ участвовалъ въ Петербургскомъ сѣздѣ народныхъ учителей происходившемъ подъ руководствомъ С. Е. Рождественскаго. За Нижне-Тагильскій сѣздъ Н. Ф. получилъ благодарность Верхотурскаго земскаго собранія.

Ко времени 1881—1882 г.г. относятся слѣдующія работы Н. Ф-ча. «Русская подвижная школа», «Стѣнныя таблицы для обученія грамотѣ безъ книгъ», «Дневникъ общеобразовательной школы» «Руководство

для учителей къ употребленію книгъ», «Въ школь и дома», «Характеристика руководствъ для обученія грамотѣ, азбукъ и книгъ для первоначальнаго чтенія»; кромѣ того, имъ былъ написанъ рядъ статей въ «Русскомъ народномъ учителѣ», рецензіи о 20 новыхъ книгахъ, отчетъ о сѣздахъ 1881 г. и «Обзоръ учебнаго отдѣла Московской выставки 1882 г.». По словамъ Н. Ф-ча, учебный отдѣлъ выставки 1882 г. былъ очень бѣденъ и не указывалъ на прогрессъ школы.

Лѣтомъ 1882 года, Н. Ф. руководилъ курсами народныхъ учителей въ г. Великихъ Лукахъ и въ Псковѣ. Здѣсь онъ снова имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ М. А. Назимовымъ и ближе познакомиться съ симпатичной личностью престарѣлаго декабриста. Въ концѣ курсовъ въ Псковѣ, мѣстное общество, полюбившее руководителя, устроило ему выдающуюся овацію. Послѣ заключительной рѣчи Н. Ф-ча на курсахъ, залъ дворянскаго собранія дрогнулъ отъ рукоплесканій, и, среди привѣтственныхъ кликовъ съ хоръ посыпался на оратора дождь цвѣтовъ.

Постоянные успѣхи на сѣздахъ и курсахъ учителей поддерживали энергію Н. Ф-ча среди того антагонизма, который ощутительно проявлялся къ нему въ Воронежѣ. Благодаря своему бурному общественному темпераменту, Н. Ф. не умѣлъ примиряться и сокращать свои просвѣтительныя задачи. А время наступало такое, что для убѣжденныхъ людей, сохранившихъ во всей силѣ завѣты освободительной эпохи, жизнь въ обществѣ становилась нестерпимой...

Извѣстна печальная эпоха восьмидесятыхъ годовъ. Сверху шла ожесточенная ломка всего, что еще уцѣлѣло отъ «великихъ» реформъ. Уничтожалось мало-по-малу общественное самоуправленіе, на Дону была совсѣмъ прекращена дѣятельность земскихъ учрежденій; ставились преграды развитію образованія въ обществѣ (тамъ же на Дону, напр., всѣ гимназіи были замѣнены низшими ремесленными школами), затруднялось открытіе школъ всякаго рода, запрещались сѣзды учителей, появился университетскій уставъ 1884 г.; начиналась ломка крестьянскаго самоуправления, и т. д., и т. д. Но, что самое важное, реакція охватила не только правящія сѣры, но и все общество: въ общественныхъ настроеніяхъ произошелъ рѣзкій переломъ. Это было время, когда вчерашніе радикалы дѣлались охранителями, когда общественные дѣятели отрицали общественность, когда «широкія» задачи признавались несвоевременными, когда началось оплевываніе идеаловъ и проповѣдь «малыхъ» дѣлъ, когда вышли на сцену г.г. Меньшиковы и затанули свои тягучія слюнявыя рѣчи о самосовершенствованіи,—однимъ словомъ, когда вся жизнь сдѣлалась возможной лишь «примѣнительно къ подлости»...

Новое общественное направленіе нашло себѣ особенно много адептовъ въ Воронежѣ, настолько много, что люди, подобные Н. Ф-чу, остались одинокими. Съ каждымъ днемъ реакція усиливалась, приниженіе и рабо-

лѣшіе общества «не токмо за страхъ, но и за совѣсть» росло все болѣе и болѣе, съ каждымъ днемъ торжествующая пошлость дѣлалась нахальнѣе...

Первымъ публичнымъ отвѣтомъ Н. Ф-ча на вызывы торжествующей реакціи была прочитанная имъ въ 1882 году, въ Воронежѣ, публичная лекція по поводу извѣстной статьи славянофила И. С. Аксакова «Пора домой!» Разбирая идеалы допетровской руси и характеризуя ихъ полную непригодность для современности, Н. Ф. говоритъ о неумѣстности даже воспоминанія объ этой чванной и рабской въ то же время идеологіи полудикаго быта. «Умѣстны ли эти идеалы», спрашиваетъ онъ, — «для пережившихъ эпоху освободительныхъ идей и *должныхъ* передать ихъ потомкамъ, какъ драгоценное наслѣдіе?» Лекція имѣла большой успѣхъ, но, въ то же время, создала Н. Ф-чу еще больше враговъ. Принципіальная вражда переходила постоянно на личную почву, тѣмъ болѣе, что, въ частныхъ спорахъ, Н. Ф. далеко не отличался сдержанностью. Своими сарказмами онъ часто раздражалъ противника ранѣе, чѣмъ успѣвалъ убѣдить. Мало-по-малу онъ совсѣмъ разошелся съ Воронежскимъ обществомъ, и желаніе покинуть Воронежъ все укрѣплялось. Съ выходомъ въ отставку изъ военной гимназіи, въ это время уже вновь переобразованной въ кадетскій корпусъ, Н. Ф. былъ совершенно свободенъ въ выборѣ мѣста жительства; сначала онъ хотѣлъ даже поселиться въ Кисловодскѣ, гдѣ лечился лѣтомъ 1882 г., но потомъ оставилъ это намѣреніе, больше потому, что въ Кисловодскѣ трудно было устроить народную школу того типа, о которомъ думалъ Н. Ф.

Конецъ 1882 года принесъ Н. Ф. наиболѣе дорогое для него признаніе его заслугъ со стороны лучшей части всего русскаго общества. Комитетомъ Грамотности при Вольно-экономическомъ обществѣ ему была присуждена за труды по народному образованію большая золотая медаль.

Въ 1883 году, Н. Ф. руководилъ съѣздами народныхъ учителей въ г.г. Ирбитѣ и Шадринскѣ, Пермской губерніи. На этихъ съѣздахъ отрадное впечатлѣніе произвело на Н. Ф-ча присутствіе новыхъ учителей изъ числа крестьянъ, окончившихъ земскую начальную школу. Въ Пермской губ. оказалась наилучшая постановка земско-школьнаго дѣла, благодаря крестьянскому составу земскихъ собраній. Въ особенности хорошо была поставлена школа въ Шадринскомъ уѣздѣ, гдѣ существовало представительство народныхъ учителей въ земскомъ собраніи. Не довольствуясь устройствомъ школъ нормальнаго типа, Шадринское, а частію и Ирбитское, земство развило цѣлую сѣть мелкихъ домашнихъ подготовительныхъ школъ, гдѣ преподавали лучшіе изъ окончившихъ курсъ начальной школы учениковъ. Къ сожалѣнію, эти начинанія земства встрѣтили сильную вражду со стороны учебнаго вѣдомства и духовенства.

Въ непосильной борьбѣ съ этими врагами земство должно было уступить, и домашнія подготовительныя школы прекратили свое существованіе, сначала въ Ирбитскомъ, а потомъ и въ Шадринскомъ уѣздахъ. Объ этихъ попыткахъ дѣятельности земствъ Шадринскаго и Ирбитскаго Н. Ф. говоритъ въ изданной въ 1885 г. брошюрѣ «О домашнихъ школахъ грамотности».

Съ учителями и здѣсь, какъ повсюду, у Н. Ф-ча установились самыя сердечныя отношенія, и со многими изъ нихъ у него до конца жизни сохранилось живое общеніе. Впослѣдствіи, когда Н. Ф. жилъ уже въ деревнѣ, нерѣдко можно было видѣть въ числѣ его гостей учителей и учительницъ изъ далекихъ мѣстъ, встрѣчавшихъ здѣсь самый радушный пріемъ. Съ глубокой любовью вспоминалъ Н. Ф. многихъ изъ этихъ тружениковъ начальной школы и высоко ставилъ ихъ. «Всѣ радости моей жизни», говорилъ онъ, — «дали мнѣ они—эти честные, добрые, самоотверженные, любящіе, великіе въ своей простотѣ люди». По возвращеніи со съѣздовъ въ Воронежъ, Н. Ф. лишился своей чуткой аудиторіи, и тѣмъ нестерпимѣе была для него обывательская жизнь, которая его здѣсь окружала. Онъ не уставалъ работать, но всѣ попытки дѣятельности въ городѣ не удовлетворяли его. Такъ, въ началѣ 1874 года, онъ принялъ участіе въ организациі новой частной женской гимназін, но скоро оказалось, что учредители ея далеки отъ мысли о разумной педагогіи, а смотрятъ на гимназію только какъ на выгодное коммерческое дѣло. Все болѣе и болѣе росло въ немъ желаніе осповать для себя истинную «народную» школу. Сначала Н. Ф. проэктировалъ открыть, въ видѣ опыта, училище для бѣдныхъ дѣтей въ Воронежѣ, но затрудненія съ осуществленіемъ дѣла, при наличности близкаго надзора дирекціи народныхъ училищъ, которая уже начала тормозить учебное дѣло, а также и окончательный рѣзкій разрывъ съ Воронежскимъ обществомъ, заставили его оставить мысль о школѣ въ городѣ. Какъ разъ въ это время, невдалекѣ отъ Воронежа, въ с. Петинѣ, продавалась усадьба съ небольшимъ участкомъ земли, и Н. Ф. рѣшилъ поселиться въ деревнѣ. Лѣтомъ въ 1884 году у него снова появились болѣзненные припадки, и удаленіе изъ города, отъ городскихъ волненій, было необходимо и для здоровья. Купивши усадьбу въ Петинѣ, Н. Ф. немедленно началъ тамъ постройку дома для школы. Нездоровье и необходимость еще разъ ѣхать для лѣченія на Кавказъ не остановили дѣла. Постройка школы была поручена подрядчику подъ надзоромъ знакомаго архитектора, съ условіемъ, что бы къ осени школа была готова для занятій. Уѣзжая въ Кисловодскъ, Н. Ф. мечталъ, какъ, сейчасъ же по возвращеніи, онъ начнетъ свое новое дѣло въ Петинѣ. Но ему не суждено было такъ добровольно разстаться съ Воронежемъ.

По возвращеніи изъ Кисловодска, Н. Ф. снова вынужденъ былъ вступить въ борьбу съ мѣстнымъ Воронежскимъ обществомъ уже за себя

лично. Въ то время существовало въ Воронежѣ «общество взаимнаго кредита», во главѣ котораго стояло большинство законодателей мѣстнаго общественнаго мнѣнія. Проповѣдь «малыхъ» дѣлъ не помѣшала этимъ господамъ разстроить дѣла общества, и въ восьмидесятихъ годахъ оно уже было наканунѣ краха. Уѣзжая для окончательнаго излѣченія послѣдствій удара, Н. Ф., по совѣту одного изъ заправиль общества, положилъ туда на текущій счетъ свои сбереженія—что-то около 3000 руб. Совѣтчикъ хорошо зналъ Н. Ф-ча и зналъ, что съ этими сбереженіями связаны всѣ его мечты о будущей независимой жизни въ деревнѣ, но не постѣснился дать ему совѣтъ помѣстить такъ неудачно его средства. Когда Н. Ф. вернулся въ Воронежъ и хотѣлъ получить свои деньги съ текущаго счета, то встрѣтилъ отказъ: дѣла общества были уже очень плохи. Н. Ф-чу ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ потребовать возврата своего вклада судомъ. Понятно, что искъ Н. Ф-ча былъ страшенъ для общества: должны были раскрыться всѣ очень некрасивыя операціи кредита, вся дѣятельность заправиль, спекулировавшая на довѣріе вкладчиковъ. «Весь Воронежъ» ополчился, всѣ «свои человѣчки» всколыхнулись. Дѣло дошло до того, что даже приглашенный и знающій дѣло повѣренный отказался вести «искъ Бунакова» и отказался вечеромъ наканунѣ разбора дѣла, когда уже немислимо было найти другого повѣреннаго.

Неопытный въ юридическихъ дѣлахъ и совершенно не имѣющій понятія о банковскихъ операціяхъ Н. Ф. былъ предоставленъ самому себѣ, въ то время, какъ противъ него выступило свѣтило Воронежской адвокатуры.

Къ счастью для Н. Ф-ча, среди Воронежскихъ адвокатовъ, нашелся человѣкъ *), который, не имѣя возможности выступить на его защиту лично, далъ ему нѣсколько совѣтовъ, какъ начать на судѣ дѣло и какіе съ самаго начала предложить противной сторонѣ вопросы. Съ обычной своей энергіей, Н. Ф. проработалъ всю ночь и утромъ самъ вышелъ въ судъ, съ той, какъ онъ говорилъ, «холодной злостью» въ душѣ, которая является въ моментъ наивысшаго напряженія въ борьбѣ и которая обусловливаетъ успѣхъ. Дѣло было выиграно, судъ далъ предварительное исполненіе, и Н. Ф. получилъ обратно свои сбереженія.

VI.

Разсчитавшись съ обществомъ взаимнаго кредита, причемъ полученные съ общества 240 р. судебныхъ издержекъ Н. Ф. пожертвовалъ Воронежскому обществу вспомошествованія учащимся, онъ, съ сентября

*) Присяжн. повѣр. С. С. Розенбергъ.

1884 года, окончательно поселился въ своей Петинской усадьбѣ. Разорвавъ совершенно съ Воронежскимъ обществомъ, Н. Ф., особенно въ первое время, не желалъ имѣть рѣшительно никакихъ отношеній съ нимъ и даже отказался отъ предсѣдательства въ обществѣ вспомошествованія учащимся, возникшемъ частью по его иниціативѣ.

Поселившись въ с. Петинѣ, Н. Ф. сначала занялся устройствомъ школы, которую передалъ въ вѣдѣніе земства. Въ октябрѣ школа была уже открыта. Земство приняло на себя уплату жалованья учителю и законоучителю,—все остальное содержаніе школы Н. Ф. взялъ на себя. Школа была въ изобиліи снабжена всѣми пособіями, учебниками, и т. п.; при школѣ находилась единственная въ то время во всѣмъ уѣздѣ бібліотека, постоянно устраивались чтенія со свѣтовыми картинами, велись собесѣдованія по вечерамъ, и т. д. Н. Ф. не только взялъ на себя все дѣло внѣшкольнаго образованія, но и преподаваніе русскаго языка въ старшемъ отдѣленіи. Благодаря своему энергичному попечителю, Петинская земская школа была не только поставлена лучше всѣхъ школъ уѣзда, но была и независимѣе, и учитель тамъ чувствовалъ себя свободнѣе. За личность учителя и его достоинство Н. Ф. стоялъ горой, и ни одинъ самый смѣлый инспекторъ народныхъ училищъ не осмѣлился бы держать себя начальствомъ надъ учителемъ въ присутствіи Н. Ф-ча. Взамѣнъ даваемыхъ въ школу пособій, снабженіе которыми лежало, по заведенному порядку, на обязанности земства, Н. Ф. обусловилъ особую прибавку жалованья Петинскому учителю, такъ что и матеріально учитель здѣсь былъ поставленъ лучше, чѣмъ въ другихъ школахъ. Н. Ф. всегда выступалъ, гдѣ только имѣлъ къ тому хотя бы малую возможность, борцомъ за правовое положеніе сельскаго учителя.

Одновременно со школою, въ с. Петинѣ, Н. Ф-чемъ была также открыта амбулаторія, гдѣ пріемъ больныхъ производился ежедневно фельдшеромъ, а разъ въ недѣлю—пріѣзжавшимъ изъ Воронежа врачомъ. Давши помѣщеніе для амбулаторіи, Н. Ф. принялъ на себя и всѣ расходы на ея содержаніе, включая уплату вознагражденія фельдшеру и врачу. Въ дѣятельности амбулаторіи принимала большое участіе поселившаяся также въ с. Петинѣ, въ своей особой усадьбѣ, Л. И. Михайлова, которая, съ этого времени, сдѣлалась постоянной спутницей жизни Н. Ф-ча.

Отдавая значительную часть своего времени школѣ, Н. Ф. въ тоже время, между прочимъ, желалъ сдѣлаться и сельскимъ хозяиномъ. При усадьбѣ былъ имъ разведенъ прекрасный садъ и огородъ. Занимался онъ и поспѣвами, полагая необходимымъ устроиться такъ, что-бы «все было вое». Конечно, эти занятія были второстепенными въ обиходѣ его жизни, но онъ и сюда вносилъ ту же энергію и неутомимый трудъ, какими характеризуется вся его дѣятельность. Напр., при разведеніи сада, онъ столкнулся съ препятствіями, которыя могла преодолѣть только его энергія.

Почвенныя условія мѣстности, гдѣ расположена была усадьба, были настолько неблагопріятны для садовой культуры, что всѣ прежніе владѣльцы усадьбы отказались отъ мысли развести садъ; Н. Ф. добился того, что, чрезъ 10 лѣтъ, садъ его, по разнообразію насажденій и прекрасному состоянію всѣхъ породъ деревьевъ и кустарниковъ, былъ образцовымъ.

Литературная дѣятельность Н. Ф-ча, за время пребыванія въ с. Петинѣ была также производительна, какъ и ранѣе. Не переставая сотрудничать въ еженедѣльномъ «Русскомъ народномъ учителѣ», гдѣ имъ помѣщалось, въ среднемъ, не менѣе 20 статей и рецензій въ годъ, онъ, въ то же время, работалъ надъ новыми педагогическими руководствами, пересматривалъ свои ранѣе изданные учебники, приспособляя ихъ къ сельской народной школѣ, и занимался популяризацией лучшихъ образцовъ русской литературы съ тѣмъ, что бы дать ихъ школѣ не въ видѣ хрестоматическихъ отрывковъ, а въ цѣльныхъ систематическихъ сборникахъ съ объяснительнымъ текстомъ. Такъ имъ были выпущены въ первые годы жизни въ с. Петинѣ: «Сборникъ былинъ» съ «Объяснительнымъ словомъ», «Сочиненія А. С. Пушкина» для школы; переработка книгъ: «Въ школѣ и дома», «Школьное дѣло» и друг. и вновь издана книга «Подвижная школа, воскресныя занятія и учительскія собранія». По поводу «Былинъ» и «Пушкина» вышли недоразумѣнія съ ученымъ комитетомъ М. Н. П., который нашелъ невозможнымъ допустить книги въ школу, находя, что въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ выставляется въ неприличномъ видѣ «равноапостольный» князь Владиміръ, а изъ статьи о Пушкинѣ не видно Пушкина, какъ патріота. Н. Ф. сначала хотѣлъ возражать и доказывать всю вздорность обвиненія книгъ, но потомъ оставилъ это желаніе, рѣшивъ, что «нѣтъ такого вздора, котораго не придумалъ бы «ученый» комитетъ.

Но не одинъ комитетъ обнаруживалъ въ то время своеобразное отношеніе къ Пушкину. Кромѣ своихъ кабинетныхъ литературныхъ работъ, Н. Ф. иногда выступалъ съ публичными лекціями по русской литературѣ. Въ 1883 году онъ прочелъ въ Воронежѣ лекцію о Тургеневѣ, а въ 1887 г.—о Пушкинѣ. Такъ вотъ за лекцію о Пушкинѣ на Н. Ф-ча обидѣлось Воронежское дворянство: оно возмутилось тѣмъ, что Н. Ф., описывая жизнь поэта и среду, въ которой жилъ поэтъ, очень рѣзко и непочтительно отозвался о высшей Петербургской знати. Несмотря на очевидную глупость подобнаго обвиненія, оно все же повлекло непріятныя послѣдствія для Н. Ф-ча и едва не отразилось на Петинской школѣ. Директоръ народныхъ училищъ Воронежской губерніи, подъ вліяніемъ навѣтовъ дворянства, спеціально пріѣхалъ въ Петино «освидѣтельствовать» школу Бунакова, но, къ счастью, не усмотрѣлъ въ ней ничего вреднаго. Иначе, при неуступчивости Н. Ф-ча, ему бы пришлось отказаться отъ непосредственной работы въ школѣ, или, по крайней мѣрѣ, ограничить ея свободу и публичность. Н. Ф., и относительно народной сельской школы, держался

того мнѣнія, что общество должно быть всегда освѣдомлено о школьномъ дѣлѣ. Школа отвѣтственна передъ обществомъ, ибо она служить и должна служить обществу. Помимо связи населенія со школой посредствомъ библіотеки, въ «школѣ Бунакова» два раза въ недѣлю устраивались народныя чтенія съ свѣтовыми картинами. Кромѣ ежегодныхъ публичныхъ экзаменовъ, въ школѣ, съ 1886 года, также ежегодно 22 Октября устраивался Н. Ф.-чемъ публичный актъ, на которомъ, въ очень торжественной обстановкѣ, прочитывался отчетъ о дѣятельности школы за годъ, произносились рѣчи, ученики декламировали образцы литературы, а иногда и свои стихи и рассказы; все это сопровождалось пѣніемъ ученическаго хора, въ которомъ участвовали нерѣдко и взрослые.

Пѣнію въ школѣ Н. Ф. придавалъ очень большое значеніе, какъ облагораживающему искусству. Вначалѣ хоромъ управляли учителя школы, но затѣмъ, желая лучше поставить пѣніе, Н. Ф. пригласилъ особаго регента, которому платилъ 20 руб. въ мѣсяць изъ своихъ средствъ; отъ него-же получали награды и подарки пѣвцы и пѣвицы.

Въ 1889 году, по особому приглашенію, съ благотворительной цѣлью, Н. Ф. снова выступилъ въ Воронежѣ съ публичной лекціей объ А. В. Кольцовѣ. Н. Ф. очень высоко цѣнилъ вполнѣ народнаго и самобытнаго «поэта прасола», какъ истиннаго продолжателя народнаго творчества, открывшаго обществу душу крестьянина: своей возникшей любовью и вниманіемъ къ народу общество обязано Кольцову, а не Тургеневу и Григоровичу, какъ объ этомъ обыкновенно думаютъ.

Къ 1889 году относится начало Петинскаго народнаго театра, которымъ такъ сказать, совершался циклъ просвѣтительныхъ начинаній Н. Ф.-ча въ Петинѣ. Сначала театральныя представленія давались въ школѣ, но потомъ для театра былъ выстроенъ и приспособленъ верхній этажъ въ домѣ Н. Ф.-ча, а онъ самъ былъ здѣсь и драматургомъ, и режиссеромъ, и суфлеромъ, и декораторомъ... Устройство театра, помимо значительныхъ расходовъ *), стоило вообще большихъ трудовъ по самой организациі дѣла: нужно было преодолѣть вѣковыя предразсудки темнаго населенія, которому хотя и нравились «представленія», но которое не желало, чтобы его сыновья, а въ особенности дочери, «представляли», тѣмъ болѣе, что мѣстное духовенство было также противникомъ «игрищъ». Одинъ изъ священниковъ, на примѣръ, грозилъ, что не допуститъ къ причастію «актерку»... «Акеркамъ» было въ особенности трудно, и часто любительницы сценическаго искусства, тайкомъ отъ родителей убѣгавшія въ театръ, дома расплачивались за это жестокою поркой... Но энергія Н. Ф.-ча преодолѣла всѣ затрудненія, и въ послѣднее время въ театрѣ

*) Вообще на свои просвѣтительныя учрежденія Н. Ф. расходовалъ значительную часть всѣхъ своихъ доходовъ.

иногда играли даже замужня крестьянки. Просвѣтительное значеніе театра было огромно, и сцена дополняла воспитательное дѣло школы.

Добавимъ здѣсь маленькую замѣтку, относительно театра, очень характерную... «Театръ Бунакова» существовалъ въ деревнѣ болѣе 12 лѣтъ, безъ всякаго разрѣшенія и цензуры даваемыхъ пьесъ... И это было въ то время, когда многія земства тщетно добивались разрѣшенія на устройство народныхъ чтеній, хотя бы подъ самымъ строгимъ надзоромъ полиціи.

Первыми пьесами, поставленными въ 1889 году были: «Сиротка» Васильева и передѣлка самого Н. Ф-ча «Бѣжинъ лугъ». Затѣмъ, въ послѣдующіе года, репертуаръ расширялся все болѣе и болѣе—ставились: «Не такъ живи, какъ хочется» Островскаго, «Слава Богу—мужъ лапоть сплель» Кохановской, «Чужое добро впрокъ нейдетъ», «Омутъ», «Майская ночь» и другія пьесы, большею частью переработанныя для народной сцены Н. Ф-чемъ. Впослѣдствіе ставились на Петинской сценѣ и любительскія спектакли, на которыхъ были поставлены полностью: «Не въ свои сани не садись», «Въ чужомъ пиру похмѣлье» Островскаго, «Сидоркино дѣло» Аверкіева, водевили: «Простушка и воспитанная», «Ямщики», и проч. Контингентъ любителей состоялъ, частью изъ мѣстнаго учительскаго персонала и сосѣдей, частью изъ представителей молодой Воронежской интеллигенціи, заинтересованной начинаніями Н. Ф-ча и, въ противоположность старому либеральствующему обществу, относившейся къ нему съ большимъ уваженіемъ.

VII.

Въ 1891 году, Н. Ф. принялъ участіе въ работѣ земства и общества для помощи голодавшему крестьянскому населенію. Въ Петинѣ было открыто попечительство подъ предсѣдательствомъ Н. Ф-ча. Не сочувствуя мысли объ открытіи столовыхъ для голоднаго населенія, бывшей тогда общимъ увлеченіемъ, Н. Ф. организовалъ на средства попечительства мѣстныя общественныя работы: была исправлена невозможная крутая дорога отъ р. Дона въ с. Петино, въ селѣ была устроена общественная баня, разведенъ общественный садъ, и т. п. Въ Петинѣ не было «безшабашной и унижительной даровой кормежки», какъ называлъ столовыя Н. Ф., и помощь оказывалась такъ, что бы крестьянинъ не чувствовалъ себя въ положеніи нищаго. «Даровая кормежка», дѣйствительно, развращала населеніе, принижала самолюбіе крестьянина и убивала его энергію. Это сказалось особенно рельефно послѣ голоднаго года, развившаго необычайное нищенство и попрошайничество. Наблюдая ежедневно крестьянскую жизнь, со всѣмъ ея вѣковымъ невѣжествомъ, безпробудной

апатіей и дикими скотскими развлеченіями, Н. Ф. порою глубоко тосковалъ, предавался самымъ мрачнымъ помышленіямъ о будущемъ, но не винилъ крестьянина. «Господи», восклицалъ онъ,—«какъ оскотинили этотъ народъ, хорошій и способный по природѣ!—Кто?—Да, тѣ же господа славянофилы и народопоклонники, благонамѣреннѣйшіе и православнонѣйшіе патріоты своего отечества, съ своими предками боярами и откупщиками»..

Дѣятельность Петинскаго попечительства продолжалась и въ слѣдующемъ 1892 году, когда Воронежскій уѣздъ былъ охваченъ эпидеміей холеры. Въ с. Петинѣ холера не сопровождалась большими жертвами, благодаря самоотверженной и разумной дѣятельности командированнаго земствомъ молодого врача Н. И. Напалкова, сдѣлавшагося потомъ другомъ Н. Ф-ча. И вообще слѣдуетъ сказать, что всѣ, въ комъ Н. Ф. видѣлъ дѣйствительныхъ умѣлыхъ работниковъ, искренно желавшихъ отдать свой трудъ на пользу народа, находили въ немъ надежнаго друга, все равно, какимъ бы путемъ не шли они къ осуществленію своихъ, поставленныхъ во имя народнаго блага, цѣлей. Случалось ему, конечно, и ошибаться въ людяхъ, но заблужденіе продолжалось недолго,—онъ скоро исправлялъ свои ошибки.

Свои впечатлѣнія 1891—1892 г.г. Н. Ф. изложилъ въ статьѣ «Итоги и уроки голоднаго года», напечатанной въ «Русскомъ народномъ учителѣ». Литературно-педагогическая дѣятельность его не прерывалась и въ это время. Въ 1892 г. имъ были выпущены школьныя изданія: «Сочиненія М. Ю. Лермонтова», «Стихотворенія А. В. Кольцова» и написаны статьи: «Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ» («Фил. Зап.» 1892 г.) и «Блиновъ, Н. Н.» (Энциклоп. словарь Брокгауза-Эфрона). Въ 1892 г., во время обычнаго акта, въ Петинской школѣ было устроено чествованіе памяти А. В. Кольцова.

Періодъ 1893—1894 г.г. принесъ Н. Ф-чу много неприятностей, какъ личныхъ, такъ и общественнаго характера. У него умеръ одинъ братъ, а другой сошелъ съ ума, а потомъ погибла страшной смертью мать Прасковія Петровна, которая сгорѣла въ домѣ своего зятя во время пожара. Въ это же время начались недоразумѣнія съ сыномъ, на котораго Н. Ф. возлагалъ большія надежды, какъ на продолжателя дѣла всей своей жизни. Источникомъ недоразумѣній была просто взаимная неуступчивость на почвѣ чисто-личныхъ интересовъ. Принципіальныхъ разногласій не было, такъ какъ сынъ глубоко уважалъ дѣятельность отца, и отецъ, несмотря на горькіе упреки сыну, въ душѣ все же сохранялъ полную надежду на него, какъ на будущаго дѣятеля по народному образованію.

Въ это же время началась усиленная борьба мѣстнаго духовенства противъ народнаго театра. Вражда къ театру была и раньше, но въ

1894 г., послѣ постановки пьесы «Первый винокуръ» Л. Н. Толстого, мѣстный псаломщикъ, поддерживаемый священникомъ, началъ открытую агитацію противъ театра, рассказывая крестьянамъ о томъ, что на «театрѣ Бунакова» появляются черти. Кончилось тѣмъ, что пьесу «Первый винокуръ» пришлось снять съ репертуара,—болѣе она уже не ставилась. Враждебная театру проповѣдь духовенства затѣмъ коснулась и школы, такъ какъ, желая выслужиться предъ епархіальнымъ начальствомъ, духовенство стремилось открыть въ Петинѣ школу церковно-приходскую, для которой, однако, не было учениковъ.

Подъ вліяніемъ духовенства отчасти измѣнилось и отношеніе къ Н. Ф-чу мѣстныхъ крестьянъ. Хотя, съ этой стороны, проявленій вражды и не было, но уже самое отсутствіе пониманія населеніемъ всего, что было сдѣлано для него за десять лѣтъ, огорчало Н. Ф-ча и приводило къ мысли о безсиліи частичной борьбы культурныхъ одиночекъ съ глубокимъ, народнымъ невѣжествомъ. Несмотря на то, что устроенное Н. Ф-чемъ въ годъ десятилѣтія школы общее испытаніе окончившихъ курсъ школы крестьянъ дало благопріятные результаты, пессимистическое отношеніе къ своей дѣятельности не проходило. На торжественномъ актѣ школы въ 1894 году, Н. Ф. обратился къ собравшимся крестьянамъ съ горькой прочувствованной рѣчью, полной упрековъ въ непониманіи ими собственной пользы и неумѣніи разобраться, кто ихъ другъ и кто врагъ. Изливъ накопившуюся горечь, Н. Ф. сдѣлался значительно спокойнѣе, тѣмъ болѣе, что искреннее наболѣвшее слово его сильно подѣйствовало на крестьянъ.

Въ томъ же 1894 году, Н. Ф., приглашенный участвовать въ Воронежской сельско-хозяйственной выставкѣ съ земскимъ отдѣломъ экспонировалъ тамъ постановку дѣла въ своей школѣ и свои труды. Выставка произвела плохое впечатленіе на Н. Ф-ча: онъ называлъ ее барской затѣей и особенно возмущался почти полнымъ отсутствіемъ на ней экспонентовъ-крестьянъ. Высказанное печатно мнѣніе привело Н. Ф-ча къ полемикѣ съ организаторами выставки—нѣкоторыми земцами, которые потомъ долго не могли забыть непріятныя для нихъ замѣчанія. Устраивая впослѣдствіи курсы учителей, Воронежскіе земцы не хотѣли совсѣмъ приглашать Н. Ф-ча, не смотря на его уже всероссійскую извѣстность, какъ руководителя.

Тяжелое настроеніе и пессимизмъ, овладѣвшій Н. Ф-чемъ въ концѣ 1894 года, имѣли еще и другія причины, кромѣ описанныхъ. Живя въ деревнѣ и отдаваясь своей работѣ, онъ очень чутко слѣдилъ и за общей жизнью, за общественно-политическими настроеніями. Тяжелое впечатлѣніе произвело на него то крушеніе надеждъ, которое пережило русское общество вскорѣ послѣ смерти Александра III. Напечатавъ въ это время статью «Къ вопросу о всеобщемъ обязательномъ обученіи», онъ съ горечью

потомъ говорилъ, что и это необходимѣйшее государственное дѣло едва ли не относится къ категоріи безсмысленныхъ мечтаній. Н. Ф. былъ убѣжденнымъ сторонникомъ обязательнаго обученія. Къ сожалѣнію, у насъ по этому вопросу всегда почти, и на всякихъ съѣздахъ, и на земскихъ собраніяхъ, слышались и слышатся донинѣ какія то либерально-фарисейскіе lamentаціи, что ученіе должно быть «добровольно», что нельзя допускать «насилія». Въ отвѣтъ на такія фразы, Н. Ф. говорилъ: «а развѣ всеобщая воинская повинность—не насиліе... совершенно непонятно, почему воинская повинность должна быть общею и обязательною, а обученіе дѣтей не должно быть таковымъ. Вѣдь это обученіе—тоже потребность государственная, да вмѣстѣ съ тѣмъ—и общественная, и личная потребность современнаго человѣка, слѣдовательно, ему принадлежитъ, такъ сказать, тройное право на обязательность». (Сельск. шк. и нар. жизнь. Стр. 209). Реакціонныя вѣянія конца 1894 и 1895 г.г.: уничтоженіе комитетовъ грамотности, ассигнованія на церковно-приходскія школы,—все это производило угнетающее дѣйствіе на настроеніе Н. Ф-ча. и онъ впервые начинаетъ думать о смерти, спрашиваетъ, кто будетъ продолжать его дѣло.

Когда мрачныя мысли овладѣвали Н. Ф-чемъ, онъ обыкновенно искалъ забвенія въ работѣ. Къ счастью, въ 1895 году, кругъ дѣятельности его значительно расширился. Съ него былъ снятъ наложенный въ 1885 г. запретъ руководить собраніями учителей, хотя теперь уже приходилось руководить только курсами, такъ какъ съѣзды учителей были рѣшительно запрещены. Н. Ф. находилъ значительную разницу между тѣми и другими въ идеѣ: съѣздъ—собраніе полноправныхъ лицъ, гдѣ руководитель только—«старшій между равными», а курсы—собраніе учениковъ, гдѣ руководитель-наставникъ и «власть предержавшая». Такъ выходитъ по правиламъ о курсахъ 1875 года. Но Н. Ф. никогда, въ позднѣйшемъ своемъ руководствѣ курсами, не считался съ формализмомъ правилъ и, обыкновенно, путемъ живыхъ собесѣдованій съ слушателями курсовъ, приближалъ послѣдніе къ типу съѣздовъ.

Конецъ 1895 г. характеризуется нѣкоторымъ общественнымъ оживленіемъ въ заботахъ о народномъ образованіи. Собственно, интересъ къ народному образованію пробудился въ обществѣ послѣ голоднаго и холернаго годовъ, и подъемъ его сказался на устроенной въ 1895 году Московскимъ комитетомъ грамотности, при сельско-хозяйственной выставкѣ, особой выставкѣ по народному образованію. Труды комитета по устройству этой выставки были его послѣдними трудами,—вскорѣ онъ былъ закрытъ, также какъ и комитетъ грамотности при Вольно-экономическомъ обществѣ въ Петербургѣ. За свое участіе въ Московской выставкѣ Н. Ф. получилъ почетный дипломъ. На этой же выставкѣ Н. Ф. сблизился съ видными дѣятелями Ярославскаго земства. Въ Ярославлѣ Н. Ф., впервые

по возобновленіи своей дѣятельности руководителя, и руководилъ курсами учителей Ярославской губ.

VIII.

Мало надеждъ русскому обществу принесъ и 1896 годъ: реформъ какихъ либо въ области внутренней жизни и политики рѣшительно не предвидѣлось. Подавленное состояніе духа не проходило у Н. Ф-ча. Появились мысли о бесплодности всякой дѣятельности въ Россіи. Отчасти эти мысли были навѣяны знакомствомъ съ извѣстнымъ врачомъ-психіатромъ П. И. Якоби, эмигрантомъ, принявшимъ французское подданство, пріѣхавшимъ въ это время въ Россію для устройства земской психіатрической лечебницы въ г. Орлѣ. П. И. Якоби очень скептически смотрѣлъ на будущность Россіи вообще, и вся дѣйствительность, казалось, подтверждала его воззрѣнія. Полученное въ это время Н. Ф-чемъ письмо отъ извѣстнаго Вятскаго педагога и дѣятеля священн. Н. Н. Блинова, котораго Н. Ф. очень уважалъ, еще болѣе усилило его нервность. Какъ разъ въ это время, священникъ Блиновъ, уже извѣстный всей Россіи своей просвѣтительной дѣятельностью, подвергся ожесточеннымъ преслѣдованіямъ и былъ переведенъ, т. е., въ сущности, сосланъ, изъ города въ глухой сельскій приходъ. «Вотъ судьба нашихъ лучшихъ работниковъ школы», говорилъ Н. Ф. Онъ не могъ помириться съ фактомъ такой возмутительной репрессіи по отношенію къ честному, скромному и стоявшему всегда на вполне легальной почвѣ дѣятелю.

Въ 1896 году, на всероссійской промышленной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, министерствомъ народнаго просвѣщенія и вѣдомствомъ церковно-приходскихъ школъ былъ устроенъ учебный отдѣлъ. Для пріѣзжавшихъ на выставку учителей вѣдомство церковно-приходскихъ школъ устроило курсы, а министерство—лекціи. Почему то, какъ говорилъ Н. Ф., въ это время вспомнили о К. Д. Ушинскомъ, «котораго недавно заушили и выпроводили изъ народной школы» («Какъ я сталъ и какъ пересталъ быть «учителемъ учителей», стр. 96), и Н. Ф-чу было предложено прочесть двѣ лекціи объ Ушинскомъ. Н. Ф. свято чтилъ свѣтлую личность безвременно умершаго педагога, считалъ его «настоящимъ солнцемъ для русской школы» (ів., стр. 97), и потому съ особенной охотой принялъ предложеніе, радуясь тому, что, быть можетъ, книгамъ Ушинскаго снова будетъ открытъ доступъ въ народную школу.

Ознакомивъ слушателей-учителей и учительницъ, среди которыхъ было уже не мало совсѣмъ незнакомыхъ ни съ «Роднымъ Словомъ», ни съ «Дѣтскимъ Міромъ», съ характеромъ дѣятельности и трудами К. Д. Ушинскаго, Н. Ф., во второй лекціи, въ глубоко-прочувствованныхъ сло-

вахъ, обрисовалъ его, какъ человѣка и самоотверженнаго друга народнаго образованія. Предъ слушателями ярко всталъ чистый образъ первомученика русской общественной школы, и они сердцемъ отозвались на горе и страданія, которыми наградила его русская дѣйствительность. Глубокое чувство и волненіе лектора передалось аудиторіи, и лекція закончилась слезами...

Послѣ лекцій въ Нижнемъ-Новгородѣ, на Н. Ф-ча посыпались предложенія руководить курсами народныхъ учителей, устраиваемыми всюду по правиламъ 1875 года. Послѣдовательно, въ 1897—1900 г.г., онъ руководилъ курсами: въ Тамбовѣ, Стародубѣ, Ярославлѣ, Курскѣ, Херсонѣ и Одессѣ и былъ лекторомъ на курсахъ въ Павловскѣ (СПБ. г.).

Ежегодно нѣсколько земствъ присылали ему запросы, можетъ-ли онъ пріѣхать и когда. Въ это время самымъ труднымъ дѣломъ для Н. Ф-ча былъ выборъ между приглашеніями. Онъ былъ бы готовъ взять работу вездѣ, быть всюду, куда приглашали, и очень досадовалъ, что болѣе чѣмъ въ трехъ мѣстахъ въ одно лѣто быть нельзя.

Сдѣлавъ, наконецъ, послѣ долгаго обсужденія, выборъ, онъ писалъ отвѣтъ въ земство, а самъ начиналъ готовиться къ предстоящей работѣ. Несмотря на свой педагогическій опытъ, на все свое знаніе народной школы, Н. Ф. никогда не выступалъ безъ специальной подготовки ни на однихъ курсахъ. Каждый разъ онъ вновь подготавливалъ, продумывалъ и записывалъ весь планъ предстоящихъ работъ, всѣ лекціи и предполагаемыя бесѣды.

Всегда очень энергичный въ работѣ, Н. Ф. особенно поражалъ своей энергіей и неутомимостью на курсахъ и сѣздахъ. Здѣсь онъ совершенно забывалъ о себѣ и съ утра до вечера всецѣло отдавался дѣлу. По 16—18 часовъ въ сутки онъ проводилъ на курсахъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ учителями и учительницами. Въ 60 слишкомъ лѣтъ онъ работалъ съ юношескимъ жаромъ. Учителя Херсонской губ., на курсахъ 1899 г., говорили, что они видятъ того же Н. Ф-ча, какъ и въ 1874 г., когда онъ былъ на ихъ сѣздѣ. Тотъ же энтузіазмъ передъ величіемъ дѣла народнаго учителя, та же вѣра въ силу и значенія народнаго образованія, та же беспощадная критика условій, при которыхъ должна работать школа, то же безстрашіе передъ конечными выводами и та же смѣлая, убѣжденная рѣчь.

Трогательная была встрѣча Н. Ф-ча съ знавшими его и помнившими 25 лѣтъ ветеранами Херсонской народной школы. Н. Ф. не любилъ обнаруживать своихъ чувствъ, но о Херсонскихъ курсахъ онъ долго не могъ вспоминать безъ волненія. Въ его жизни было вообще мало отрадныхъ минутъ, и онъ говорилъ, что тѣми немногими радостями жизни, какія у него были, онъ обязанъ только учителямъ народной школы.

Его, дѣйствительно, любили труженники школы. Онъ не искалъ популярности; рѣчь его никогда не была мягкой, угодливой, любезной, въ ней не было эффе́ктовъ, но она была всегда продумана, логична, ясна и правдива. Но, хотя онъ не расточалъ любезностей, «не обласкивалъ», какъ выражалась одна изъ его слушательницъ, но учитель и учительница чувствовали, что видятъ передъ собой человѣка, который всегда безстрашно встанетъ на ихъ защиту, не побоится никакихъ «рожновъ»... Иногда они и видѣли это даже на самыхъ курсахъ: въ своей работѣ, въ борьбѣ за правовое положеніе учителя, Н. Ф. неизбежно сталкивался съ темными силами нашей школы—ея инспекціей и дирекціей, и въ преодоленіи этихъ «вредныхъ сопротивленій» Н. Ф. пренебрегалъ всякой личной осторожностью. Вооруженные правами «наблюдателей» чины министерства народнаго просвѣщенія очень часто боролись съ вліяніемъ Н. Ф. на слушателей, и не только формальными придирками, но и другими менѣе благовидными средствами. Иногда, вдругъ, изъ среды учителей-практиковъ выступалъ оппонентъ и начиналъ, оспаривая взгляды руководителя, говорить на тему, что де нужно знать народную школу и уровень доступнаго пониманію учениковъ, что «выспреннія» идеи могутъ только вредить школѣ, имѣющей ближайшія практическія задачи. Н. Ф. прекрасно понималъ, откуда идетъ эта «трезвая» практичность. Не вдаваясь въ долгіе споры, онъ обыкновенно наглядно показывалъ на своемъ урокѣ съ учениками начальной школы, *что* можно дѣлать. Такъ, напр., на возраженіе о невозможности выяснить въ начальной школѣ значеніе поэзіи Пушкина, Н. Ф. прочелъ на своемъ урокѣ «Пророка». Оппонентъ учитель, очень умный и дѣльный человѣкъ, тогда же послѣ занятій подошелъ къ Н. Ф.-чу и со слезами на глазахъ признался, *почему* онъ ему оппонировалъ. На прямыя придирки начальства Н. Ф. обыкновенно отвѣчалъ такъ, что у начальства проходило всякое желаніе вступать съ нимъ въ споръ, да еще въ аудиторіи; съ учителями же, которые, по внушенію начальства, выступали противниками руководителя, дѣло кончалось тѣмъ, что они дѣлались потомъ самыми горячими его приверженцами. Большой опытъ личнаго своего преподаванія въ начальной школѣ давалъ Н. Ф.-чу значительное преимущество предъ другими руководителями. Его показательные уроки на курсахъ были превосходны. Но, когда его просили дать, какъ принято выражаться, «образцовый» урокъ, то онъ сердился и говорилъ, что «образцовыхъ уроковъ нѣтъ, и что никто и никогда не можетъ претендовать на то, что его урокъ «образцовый», что шаблону и рутинѣ нѣтъ мѣста въ народной школѣ.

Близкое общеніе съ учительскимъ персоналомъ народной школы въ концѣ девяностыхъ годовъ еще болѣе показало Н. Ф.-чу всю безтолковую отсталость регламентаціи учительскихъ курсовъ и самой дѣятельности народныхъ учителей со стороны учебнаго начальства, сводившаго всѣ

задачи курсовъ къ обученію методамъ и техникѣ начальнаго обученія. «Я и раньше думалъ», говорилъ Н. Ф. въ цитированной уже нами статьѣ: «Какъ я сталъ и какъ пересталъ быть учителемъ учителей»,—«а теперь окончательно убѣдился, что современному русскому учительству, учительству «конца вѣка», нужно совсѣмъ не то, въ чемъ наше учительство нуждалось тридцать—двадцать лѣтъ тому назадъ»... Какъ бы не ухудшались внѣшнія вліянія, давяція школу, школа растетъ, сближается съ народною жизнью, создавая новое содержаніе для своей работы. «Обученіемъ молитвамъ, грамотѣ, да счету, теперь ограничиваться уже нельзя; съ готовыми шаблонами, да съ одной безсодержательной учительскою техникой далеко не уѣдешь. Народная школа неудержимо, въ силу потребностей жизни, изъ школы грамотности, какою она было въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, обращается въ образовательную школу съ широкими просвѣтительными задачами, и было бы безуміемъ насильственно задерживать этотъ ея естественный ростъ».

Выросшія задачи народной школы, понятно, заставляють и учителя особенно чувствовать недостатки своего образованія, и отсюда въ учительской средѣ является усиленный запросъ на научное знаніе. Расширеніе умственнаго кругозора, развитіе самостоятельной критической мысли на почвѣ научнаго знанія,—вотъ чего ждетъ учитель отъ курсовъ, и потому введеніе общеобразовательныхъ занятій на курсахъ за счетъ обученія техникѣ, которою уже достаточно овладѣло учительство, — есть нынѣ насущная необходимость. Особенно рельефно сказались стремленія учащаго персонала народной школы въ этомъ направленіи на курсахъ учителей въ Павловскѣ.

Видя, такимъ образомъ, уже непосредственную практическую повѣрку своихъ взглядовъ, Н. Ф., на послѣднихъ по времени курсахъ, которыми онъ руководилъ, а именно въ Ярославлѣ (2 раза) и въ Одессѣ, рѣшилъ, насколько возможно это было для одного человѣка, расширить общеобразовательный элементъ курсовыхъ занятій. Составленная имъ программа очерковъ по психологіи, логикѣ и исторіи русской литературы, въ связи съ обзоромъ послѣдней съ педагогической точки зрѣнія, была выполнена, несмотря на нѣкоторыя препятствія со стороны г.г. «наблюдателей» за курсами, и курсы въ Ярославлѣ и Одессѣ имѣли общеобразовательный характеръ. «Но, въ существѣ дѣла», говоритъ Н. Ф.,—«этого было слишкомъ мало...» И онъ рѣшилъ затѣмъ закончить курсами въ Одессѣ свою руководительскую дѣятельность, потому что курсы, въ томъ видѣ, какъ они практиковались, по его мнѣнію, уже не имѣли значенія. «Думается», заключаетъ Н. Ф. свой отчетъ о курсахъ, — «что (курсовъ этихъ) совсѣмъ не нужно для современнаго русскаго учительства, съ его пытливою, возбужденною мыслью, съ его жаждою знанія, съ его потребностью живого дѣла, съ его горькимъ опытомъ и тяжелою жизнью».

Намѣреніе оставить дѣятельность руководителя осуществилось вскорѣ и помимо воли Н. Ф-ча. Энтузіазмъ, съ которымъ относилось къ нему учительство на сѣздахъ и курсахъ, и въ особенности триумфъ его въ Херсонѣ и Одессѣ, возбудили подозрительное вниманіе. Съ 1901 года министерство народнаго просвѣщенія не утверждало его уже ни руководителемъ, ни лекторомъ; онъ былъ «изъятъ» изъ числа «одобряемыхъ» руководителей.

Несмотря на созрѣвшее уже свое желаніе «остановиться», насильственное запрещеніе дѣятельности тяжело отозвались на Н. Ф-чѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые съ годами не только не стремятся къ покою и созерцательному отношенію къ жизни, а, напротивъ, вооруженные опытомъ и знаніемъ, какъ-бы вдохновляются ими и смѣлѣе приступаютъ къ радикальному рѣшенію общественныхъ проблемъ. И Н. Ф., съ 1901 года, выступаетъ въ новой для него общественной дѣятельности. Новая дѣятельность его продолжалась недолго, но въ ней яркимъ свѣтомъ вспыхнула неутомимая сила и энергія общественнаго дѣятеля и борца. Дѣятельность послѣднихъ лѣтъ жизни Н. Ф-ча достойно завершила его жизнь, всецѣло посвященную борьбѣ за лучшее будущее народа, которому онъ былъ всегда вѣрнымъ, умнымъ и благороднымъ сыномъ и работникомъ.

IX.

Постоянная дѣятельность, въ связи съ большимъ умомъ и развитой наблюдательностью, давала Н. Ф-чу, даже и въ старости, возможность живо отзываться на всѣ вопросы жизни. Въ своей педагогической работѣ у себя въ школѣ и на курсахъ, въ литературной своей дѣятельности, онъ никогда не упускалъ изъ виду широкихъ общихъ задачъ русской общественной мысли. Тяжелый гнетъ реакціи, въ концѣ девяностыхъ и началѣ девятисотыхъ годовъ, нестерпимо давилъ общественное сознаніе, и самые спокойные круги общества начинали уже ощущать на себѣ мертвую петлю режима. Квіетизмъ, навѣянный 80-ми годами, исчезалъ, появлялось желаніе борьбы. Люди, подобные Н. Ф-чу, дѣлались снова желанными людьми въ общественномъ обиходѣ. Подъ вліяніемъ отчасти настойчивыхъ совѣтовъ радикально настроенной части Воронежскаго общества, но, главнымъ образомъ, изъ за желанія широкой публичной дѣятельности, Н. Ф. пожелалъ принять болѣе близкое участіе въ работѣ мѣстнаго земства.

Въ 1901 году, Н. Ф. баллотировался въ земскіе гласные. Какъ неимѣющій полнаго ценза, онъ былъ избранъ сначала уполномоченнымъ, а потомъ уже уѣзднымъ гласнымъ. Съ обычной своей энергіей онъ взялся

за земское дѣло, и на уѣздномъ земскомъ собраніи былъ избранъ и въ губернскіе гласные. Но ему пришлось участвовать только въ одномъ губернскомъ земскомъ собраніи 1901 г.

Въ августѣ 1902 года, Н. Ф. былъ приглашенъ въ составъ уѣзднаго комитета о сельско-хозяйственной промышленности. Здѣсь, въ засѣданіи 18 августа, Н. Ф. сказалъ рѣчь, за которую подвергся административной репрессіи, лишившей его всякой возможности какой-либо общественной дѣятельности. Рѣчь Н. Ф-ча, въ первой своей части, излагала взглядъ его на задачи дѣятельности созваннаго мѣстнаго комитета. По мнѣнію Н. Ф-ча, члены комитета, созванные для того, что-бы сказать правдивое слово о положеніи страны, похожи на специалистовъ, которыхъ хозяинъ разваливавшася дома призвалъ для указанія тѣхъ исправленій, которыя должны быть сдѣланы въ различныхъ частяхъ дома для его прочности. Н. Ф. полагалъ, что если уже домъ признается весь плохимъ, то частичныя исправленія не помогутъ, и что нужно сломать домъ и построить новый. Это будетъ честный отвѣтъ на вопросъ хозяина. Во второй половинѣ своей рѣчи, Н. Ф. указывалъ, почему домъ пришелъ въ ветхость, почему наша страна бѣднѣетъ, почему все идетъ вразбродъ и почему у насъ нѣтъ необходимой энергіи для созиданія. Въ освободительную эпоху, по мнѣнію Н. Ф-ча, былъ заложенъ прочный фундаментъ общественнаго устройства: освобождены крестьяне, введены земскія учрежденія, созданъ независимый судъ; и если съ того времени на этомъ фундаментѣ не возведено прочнаго зданія, то лишь потому, что слишкомъ 25 лѣтъ мы только и дѣлали, что разрушали великія основы. Всѣ реформы освободительной эпохи уничтожены: отъ свободы крестьянъ, отъ земства, отъ суда—остались призраки. Какая это свобода крестьянъ, когда есть земскій начальникъ? Какое это земство, когда крестьяне въ немъ дѣлаются представителями лишь съ утвержденія администраціи? Какой же это судъ, когда основные принципы правосудія нарушены?.. На этомъ мѣстѣ рѣчи, Н. Ф. былъ остановленъ предсѣдателемъ.

Мы изложили рѣчь Н. Ф-ча для того, чтобы показать, что въ ней не было ровно ничего, чего бы нынѣ не говорилось во всѣхъ газетахъ. Какъ убѣжденный шестидесятникъ, какъ человекъ эпохи великихъ реформъ, Н. Ф. и не могъ сказать ничего другого. Въ логическомъ развитіи реформъ шестидесятыхъ годовъ онъ видѣлъ спасеніе Россіи. И однако, этотъ призывъ къ возсозданію того, что уже было, подвергъ Н. Ф-ча такимъ испытаніямъ, которыя, можно сказать утвердительно, сократили, и значительно, остатокъ его жизни. Онъ былъ внезапно вызванъ въ Петербургъ, допрошенъ и административно приговоренъ къ ссылке въ Новгородскую губ. на три года. Ссылка въ Новгородскую г. была потомъ замѣнена отдачей подъ надзоръ полиціи въ мѣстѣ постоянного жительства.

Этотъ ударъ для Н. Ф-ча былъ столь же тяжелымъ, какъ и неожиданнымъ, потому что со времени произнесенія имъ своей рѣчи прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ. Впослѣдствіи объяснилось, что вся драма, разыгравшаяся съ Воронежскимъ комитетомъ, возникла на почвѣ запоздалаго доноса, и это еще болѣе усиливаетъ ея гнусность.

Самый вызовъ въ Петербургъ былъ сдѣланъ такъ внезапно, что Н. Ф. и его жена не успѣли даже сдѣлать домашнихъ распоряженій въ Петинѣ. Совершенно непонятно, почему 66-тилѣтняго старика, извѣстнаго всей Россіи дѣятеля, вдобавокъ—полубольного, заставили, подъ угрозой лишенія свободы, ѣхать глухой осенью за 1200 верстъ въ Петербургъ ради только одного допроса въ жандармскомъ правленіи, какъ будто того же нельзя было сдѣлать въ Воронежѣ. Это было уже даже не преслѣдованіе, а какое то издѣвательство.

Допросъ въ жандармскомъ правленіи продолжался почти цѣлый день. Все это время жена Н. Ф-ча была въ безумной тревогѣ при мысли, что его могутъ задержать на допросѣ и арестовать. Она знала, что Н. Ф. не можетъ перенести заключенія, что арестъ можетъ быть для него прямо смертельнымъ, и боялась до отчаянія.

Н. Ф. возвратился поздно вечеромъ. Онъ самъ бодро встрѣтилъ этотъ ударъ, даже шутилъ и успокоивалъ жену... Вообще, все время пребыванія въ Петербургѣ, онъ совсѣмъ не думалъ о своей судьбѣ. Общее сочувствіе лучшаго петербургскаго общества въ значительной степени содѣйствовало бодрости его духа, и онъ даже говорилъ, что благословляетъ судьбу за такой триумфъ на старости лѣтъ. И нельзя не сказать здѣсь, что, дѣйствительно за одинъ мѣсяць пребыванія въ Петербургѣ, Н. Ф. увидѣлъ больше вниманія и уваженія, чѣмъ за 35 лѣтъ работы въ Воронежскомъ краѣ. Онъ неохотно уѣзжалъ изъ Петербурга, какъ бы чувствуя въ будущемъ еще неиспытанныя имъ тягости жизни.

Возвратившись въ Петино, Н. Ф. увидѣлъ, что жить сдѣлалось здѣсь тяжело, что, пожалуй, лучше и умереть. Н. Ф. былъ сразу устраненъ отъ всего, что наполняло его жизнь: отъ земской дѣятельности, отъ попечительства и работы въ школѣ и даже отъ общенія съ близкими знакомыми, потому что на выѣздъ изъ Петина требовалось на каждый разъ особое разрѣшеніе. Лишенный права переступить порогъ своихъ собственныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, Н. Ф. физически не могъ жить ввиду ихъ. Но тщетно онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи жить въ Воронежѣ—ему было лишь дозволено выбрать одинъ изъ уѣздныхъ городовъ... Все время, до восстановленія своихъ правъ, т. е., около двухъ лѣтъ, Н. Ф., можно сказать, скитался съ мѣста на мѣсто, не живя нигдѣ подолгу... Намъ пришлось нѣсколько разъ видѣть его въ это время, но прежняго Н. Ф-ча уже не было,—надломилась и его сила... Непривычная бездѣятельность, тоска подневольнаго существованія и, въ особенности

невыносимое для гордаго духа маститаго дѣятеля и борца сознание полной беспомощности своей передъ насиліемъ,—все это убивало Н. Ф-ча... Заботливость любящей женщины могла еще на нѣкоторое время поддержать его силы, и онъ дожилъ до восстановленія своихъ правъ. Но только дожилъ!.. Съ жизнью уже было все кончено...

Въ началѣ ноябрѣ 1904 г., наблюдая у себя постепенный упадокъ силъ, Н. Ф. поѣхалъ въ Петербургъ посоветоваться съ врачами. По дорогѣ, невдалекѣ уже отъ Петербурга, онъ почувствовалъ себя очень дурно, и съ нимъ сдѣлался первый ударъ. По прибытіи въ Петербургъ, онъ уже почти не приходилъ въ сознание, и 8 ноября Н. Ф-ча не стало...

Если вспомнить, что пережилъ человекъ, болѣе 40 лѣтъ работавшій для пользы родной страны и давшій ей такъ много, какъ рѣдко кто можетъ дать, и пережилъ уже въ такое время своей жизни, когда, казалось бы, все должно было только почтительно склоняться передъ его заслугами,—страшно дѣлается, не хочется вѣрить...

Х.

Въ данномъ нами, по необходимости—краткомъ, очеркѣ жизни и дѣятельности стойкаго и честнаго борца общеобразовательной школы, педагога и общественнаго дѣятеля, мы, понятно, не могли даже перечислить всего, что было сдѣлано Н. Ф-чемъ втеченіе его жизни. Но все же думается, что и изъ этого бѣглого обзора дѣятельности Н. Ф-ча можно видѣть, какъ много имъ сдѣлано. Будучи почти самоучкой, какъ онъ любилъ себя называть, Н. Ф. всю свою жизнь работалъ, и все имъ созданное принадлежитъ ему лично. Не получивъ широкаго образованія, подготовленный, и семьей, и школой, лишь къ узкимъ рамкамъ провинціальной дѣятельности, Н. Ф. единственно силой своей мысли и неутомимаго постояннаго труда, всталъ въ уровень съ лучшими людьми великой освободительной эпохи. Усвоивъ ихъ идеалы, онъ опредѣлилъ свою дѣятельность, намѣтилъ свой путь въ жизни и прошелъ его съ честью, не ослабѣвая и оставаясь всегда вѣрнымъ знамени, которое часто, и очень часто, обращалось въ тяжелый крестъ для несшаго. И, на закатѣ своей жизни, онъ встрѣтилъ зарю свободы, пострадавъ за нее и подъ ея знаменемъ умирая...

Собственное убѣжденіе было руководящимъ началомъ всей дѣятельности Н. Ф-ча. Убѣжденія его покоились на ясномъ міровоззрѣніи и безпощадно-вѣрной критической оцѣнкѣ дѣйствительности. Въ личномъ разговорѣ съ нимъ нельзя было не почувствовать силы его огромнаго и свободнаго ума. Каждое явленіе онъ анализировалъ послѣдовательно и

вѣрно, вскрывая его сущность, и для каждаго факта находилось строгое идейное освѣщеніе; во всемъ чувствовалось продуманное, цѣльное и стройное міровоззрѣніе убѣжденнаго и *свободнаго* человѣка. Многолѣтній запасъ вдумчивыхъ наблюденій надъ обществомъ и его жизнью давалъ особую жизненность убѣжденной рѣчи Н. Ф-ча, а всѣ выводы были настолько продуманы, объединены и такъ ясно сформулированы, что не оставляли мѣста отдѣльнымъ возраженіямъ. Правильно-ораторское построеніе рѣчи и нѣсколько учительскій тонъ ея еще болѣе усиливали общее впечатлѣніе. На слушателя искренняго, честнаго, желающаго учиться, освѣтитъ свое сознаніе, Н. Ф. долженъ былъ дѣйствовать неотразимо. Онъ чутко подходилъ къ едва зарождающимся въ душѣ слушателя запросамъ и такъ просто и ясно отвѣчалъ на нихъ, что, дѣйствительно, просвѣтлялъ сознаніе слушателя. Отсюда и вытекало огромное вліяніе его на аудиторію народныхъ учителей.

Правильное ясное пониманіе жизненныхъ задачъ мыслящаго человѣка дѣлало для Н. Ф-ча противною ту мелкую культурническую дѣятельность, зачастую сводящуюся къ грошевой филантропіи, на которой многіе успокаивались въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ. Выше мы отмѣтили дѣятельность Н. Ф-ча, какъ предсѣдателя мѣстнаго Петинскаго попечительства въ 1891—1892 г.г. Онъ поставилъ разумнѣе, чѣмъ другіе, продовольственную помощь населенію, но самъ этой своей дѣятельности не придавалъ никакого значенія

Дѣйствительно, для человѣка, живущаго въ деревнѣ, или вообще почему-либо близко стоящаго къ ней, дѣятельность по устройству столовыхъ и вообще по организаціи продовольственной помощи, была неизбѣжна. Но еще большой вопросъ, дала ли тогдашняя самоотверженная работа интеллигенціи въ деревнѣ плюсъ, или минусъ, съ точки зрѣнія коренныхъ задачъ русскаго общества и его обязанностей передъ народомъ. Н. Ф., какъ человѣкъ ума, а не чувства, держался въ этомъ случаѣ отрицательнаго мнѣнія. Конечно, нельзя не протянуть руки утопающему, но если, въ надеждѣ на вѣроятное спасеніе, люди никогда не позаботятся отыскать надежный бродъ, то цѣлесообразность стремленія къ помощи, закрывши глаза,—весьма сомнительна. Въ особенности объ этомъ слѣдуетъ думать тамъ, гдѣ активныхъ общественныхъ силъ очень немного, и въ расходѣ ихъ нужно соблюдать экономію.

Несомнѣнно, что мелкая филантропическая дѣятельность, дающая дешевое самоудовлетвореніе мелкимъ натурамъ, ни въ какомъ случаѣ не могла привлекать Н. Ф-ча съ его яснымъ умомъ и энергическимъ боевымъ темпераментомъ. Поэтому является совершенно-неправильнымъ допущенное въ нѣкоторыхъ некрологахъ покойнаго дѣятеля утвержденіе, что до послѣдняго періода своей жизни онъ былъ «культурникомъ» въ томъ смыслѣ, какъ понималось это слово въ девяностыхъ годахъ; Н. Ф. былъ

слишкомъ боевымъ человѣкомъ, что бы удовольствоваться мирной дѣятельностью.

Его культурная дѣятельность въ Петинѣ, хотя и далеко превосходившая размѣры обычнаго «культурничества» 80-хъ и до 90-хъ годовъ, была, можно сказать, лишь вынужденнымъ отдыхомъ. Онъ былъ прежде всего выдающимся педагогомъ, въ широкомъ народномъ значеніи этого слова, педагогомъ народной общественно-образовательной школы, активнымъ борцомъ за нее, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ общественнымъ дѣятелемъ вполнѣ, пропагандистомъ народнаго самосознанія. Понимая великое значеніе правильно-поставленной школы для культуры народа, онъ въ то же время былъ твердо увѣренъ, что для того, чтобы школа приносила дѣйствительную пользу, необходимо поднять личность учителя. Едва ли можно спорить, что у насъ только въ самое послѣднее время пробуждается въ обществѣ дѣйствительное (а не показное) уваженіе къ личности народнаго учителя; народные учителя и донинѣ еще нерѣдко третируются, какъ прислуга; и донинѣ еще народнаго учителя можно уволить по первому доносу полушьянаго невѣжественнаго стражника, не входя даже въ разслѣдованіе правильности доноса. За подъемъ достоинства народнаго учителя, какъ общественнаго дѣятеля наибольшаго значенія, за его права, за облегченіе его тяжелой жизни и боролся Н. Ф. неутомимо. Главнымъ дѣломъ своей жизни онъ признавалъ общеніе съ народными учителями, поддержку и помощь имъ. Нужно было видѣть тотъ энтузіазмъ и силу, съ которыми Н. Ф. руководилъ учительскими сѣздами и курсами, читалъ лекціи для учителей, и т. д., что бы оцѣнить въ немъ выдающагося трибуна народнаго образованія.

Н. Ф-ча можно азвать вполнѣ справедливо политическимъ дѣятелемъ, какъ виднаго борца за обновленіе русской жизни на началахъ освободительнаго движенія. Во всей его дѣятельности красной нитью проходитъ горячій протестъ противъ общественнаго безправія, противъ приниженности и забитости народа; въ просвѣтительной дѣятельности народной школы онъ видѣлъ залогъ народной свободы, и оттого школа была такъ дорога ему, и такъ были ему близки и любимы имъ ея скромные дѣятели.

Несмотря на кипучій боевой темпераментъ, Н. Ф., во всей своей работѣ и въ жизни, отличался планомѣрной разсудочностью. Онъ не былъ человѣкомъ порыва, и всегда строго обдумывалъ свои дѣйствія. Поэтому и его дѣятельность имѣла ровный неослабѣвающій характеръ. Н. Ф-ча можно было назвать вполнѣ разсудочнымъ человѣкомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова.

Это не была та грошевая разсудительность, съ которой «практическіе» люди живутъ, «примѣняясь къ обстоятельствамъ»; это было выработанное сознательное стремленіе руководиться съ своей жизни и дѣятельности не

порывами чувства, а непреложными выводами положительнаго знанія. Основной чертой убѣжденій Н. Ф-ча была его незыблемая вѣра въ силу человѣческаго ума, во всемогущество знанія. Онъ жилъ умомъ, и логическій выводъ мысли всегда опредѣлялъ направленіе его практической дѣятельности. Въ противоположность своему знаменитому оппоненту по вопросамъ начальнаго обученія, Н. Ф. не придавалъ значенія чувству, какъ пружинѣ человѣческихъ дѣйствій. Онъ допускалъ возможность преобладанія чувства, но только на низшихъ степеняхъ развитія, и поэтическое восклицаніе гр. Л. Н. Толстого: «жалкая, ничтожная пружина дѣйствій—умъ человѣческій» вызывало въ немъ негодованіе на то, какъ можетъ культурный человѣкъ говорить такіа фразы.

— Вотъ эти-то фразы (въ сущности—пустое сотрясеніе воздуха!),— говорилъ Н. Ф-чъ.,—и губятъ нашу культурность... Онѣ подрываютъ вѣру, и такъ очень слабую у насъ, въ значеніе и силу знанія, убиваютъ стремленіе къ образованію... Для всякихъ проходимцевъ, себялюбцевъ и квіетовъ такіе фразы — кладъ: онѣ оправдываютъ всю мерзость ихъ животной жизни.

Н. Ф-чъ никогда не допускалъ возможности для культурнаго человѣка жить чувствомъ. Онъ отрицалъ руководящее значеніе чувства, въ особенности при тѣхъ активныхъ проявленіяхъ воли человѣка, которыя имѣютъ общественный характеръ. Разумѣется, необходимъ былъ тотъ ясный, огромный умъ, которымъ обладалъ покойный Н. Ф., чтобы на чистыхъ основахъ ума и знанія намѣтить вѣрный путь въ жизни и не сойти съ него до конца, но и для всякаго обыкновеннаго человѣка вѣра въ силу знанія, стремленіе къ нему—едва ли не единственный залогъ его общественной полезности. Помнится намъ одна лекція Н. Ф-ча, гдѣ онъ проводилъ параллель между двумя замѣчательными людьми Воронежскаго края—поэтами Кольцовымъ и Никитинымъ. Разбирая ихъ жизнь, мотивы поэзіи и степень общественнаго значенія, Н. Ф. особенно рѣзко подчеркнул, что И. С. Никитинъ, при неизмѣримо меньшемъ талантѣ, въ смыслѣ содѣйствія культурѣ роднаго края, сдѣлалъ больше А. В. Кольцова. «Никитинъ образовывалъ свой умъ, Никитинъ—зналъ, а знаніе есть сила».

Самъ Н. Ф. никогда не уставалъ увеличивать сумму своихъ знаній, никогда не уставалъ мыслить... Умъ его постоянно работалъ, никогда не застывая на готовыхъ формулахъ, на привычныхъ идеяхъ. И эта постоянная работа ума создавала ту необычайную свѣжесть мысли, которая была такъ привлекательна въ Н. Ф-чѣ и которая дѣлала его желаннымъ собесѣдникомъ и учителемъ въ кругу мыслящихъ людей нѣсколькихъ поколѣній...

Но эта же свѣжесть мысли, эта ясность и чистота воззрѣній и привычка видѣть въ каждомъ явленіи его сущность, дѣлали Н. Ф-ча чужимъ

въ провинціальномъ обывательскомъ кругу. Много горечи внесла въ жизнь его обывательская пошлость, и много можно бы было привести примѣровъ тѣхъ оскорбленій, той травли, которыми преслѣдовала провинціальная обывательщина «непріятнаго» человѣка почти всю его жизнь и даже въ послѣдніе тяжелые дни его неволи...

Изъ уваженія къ памяти Н. Ф-ча, мы не будемъ говорить въ его біографіи объ этихъ безчисленныхъ проявленіяхъ обывательской трусливой и жестокой подлости. Н. Ф. самъ никогда не обращалъ на нихъ вниманія; ему только было тяжело видѣть, какъ страдаютъ отъ враждебнаго отношенія къ нему лично созданныя имъ просвѣтительныя учрежденія. Незадолго до своей опалы, Н. Ф. продалъ свою усадьбу въ Петинѣ и перешелъ жить въ домъ своей жены. На средства, вырученныя отъ продажи усадьбы былъ имъ выстроенъ въ Петинѣ же прекрасный народный домъ, съ помѣщеніями для школы, театра, бібліотеки и чайной, съ квартирами для учительницъ и завѣдующихъ, и т. д. Стоимость этого дома, правильно снабженнаго всѣми необходимыми для просвѣтительнаго учрежденія предметами, была не менѣе 18—20 тысячъ рублей. Лишенный возможности лично завѣдывать домомъ, покидая Петино, Н. Ф. обратился къ Воронежской уѣздной земской управѣ съ предложеніемъ купить домъ, съ десятиной земли при немъ, за 7000 руб. И это предложеніе было предсѣдателемъ управы отклонено, хотя необходимость приобрѣтенія дома для земства была очевидна, такъ какъ нужно было, во всякомъ случаѣ, помѣщеніе для школы *). Явное недоброжелательство, съ которымъ было встрѣчено предложеніе Н. Ф-ча, сильно его огорчило: онъ уже былъ боленъ въ это время, и каждая непріятность отзывалась на немъ очень тягостно.

Въ заключеніе, для полноты характеристики личности Н. Ф-ча, мы должны еще сказать, что неуступчивый и требовательный во всемъ, что касалось общественнаго дѣла, онъ былъ въ высшей степени скромнъ въ своихъ личныхъ требованіяхъ. Очень скромно цѣнилъ онъ свое значеніе и дѣятельность, въ которой видѣлъ не заслугу, а исполненіе долга, завѣщаннаго мыслящему русскому человѣку мучениками и вождями освободительной эпохи. Въ душѣ Н. Ф-ча жило чувство глубокой признательности къ этимъ учителямъ идейной жизни, учившимъ жить «для свободы». По своему духовному завѣщенію, онъ около двухъ третей всѣхъ своихъ трудовыхъ сбереженій (34000 руб.) оставилъ въ распоряженіе литературнаго фонда, и изъ этой суммы 24000 руб.—на учрежденіе стипендій, въ русскихъ и заграничныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имени «Ни-

*) Въ настоящее время этотъ домъ наслѣдниками Н. Ф-ча пожертвованъ Воронежскому губернскому земству для помѣщенія въ немъ школьнаго музея имени Н. Ф. Бунакова.

колая Гавриловича Чернышевскаго, Николая Александровича Добролюбова и Константина Дмитриевича Ушинскаго», которымъ, говоритъ Н. Ф.,— «я обязанъ всѣмъ, что есть во мнѣ хорошаго». Черта скромности и благодарности рѣдкой.

Мыслить и работать! работать и мыслить! Такъ можемъ мы опредѣлить девизъ жизни Николая Федоровича. Свѣтлая чистая мысль, и да озаряетъ она вѣчно темную борьбу нашей жизни сіяніемъ идеала! Примемъ это мы, какъ завѣтъ покойнаго учителя, и пожелаемъ душѣ его вѣчнаго радостнаго покоя, въ непрерывномъ общеніи съ просвѣтленнымъ духомъ борцовъ, за свободу и благо народа умершихъ, для него и во имя его жившихъ...
